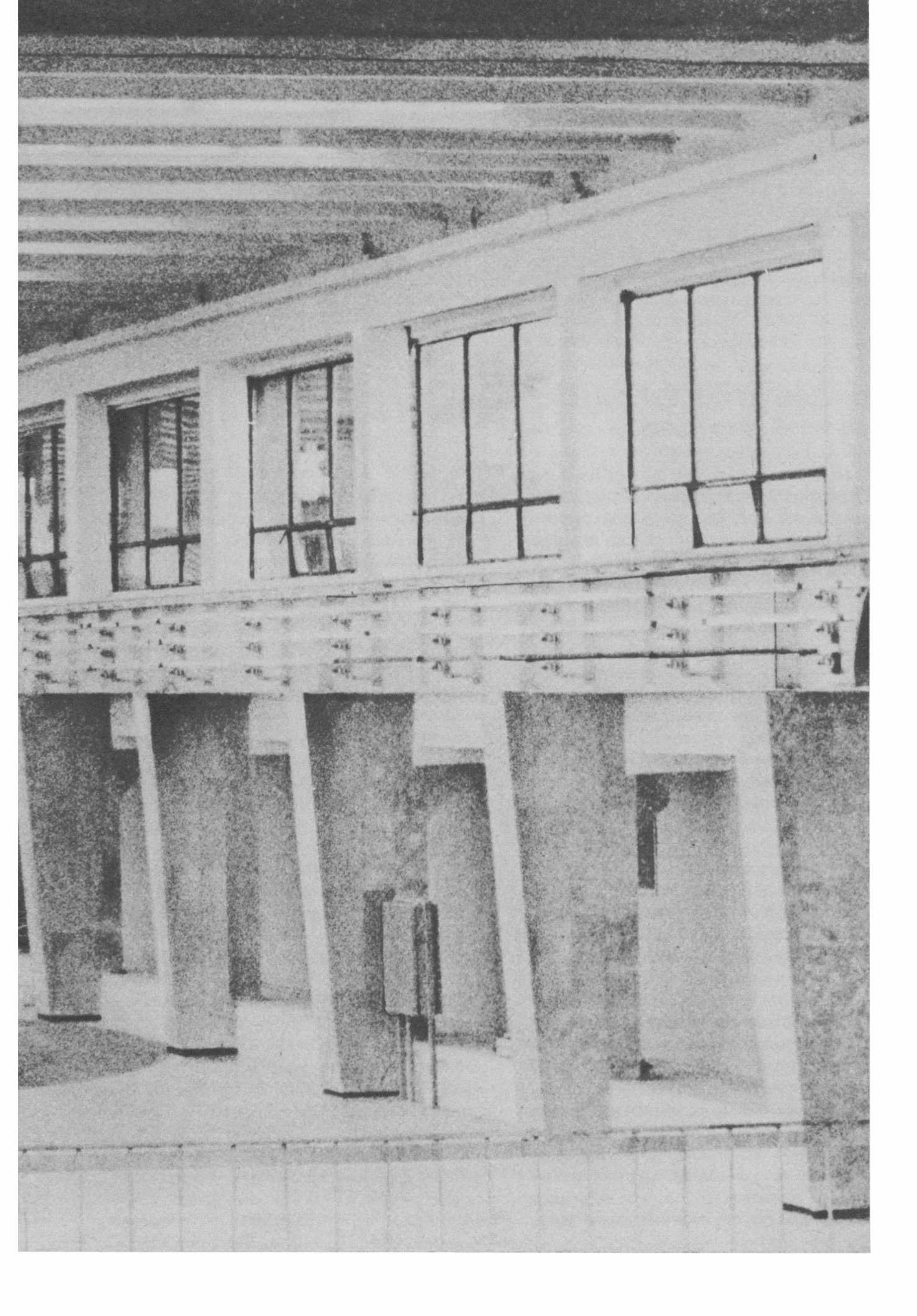

ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

С НОВЫМ СВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 52 (2321)

Основан 1 апреля 1923 года

25 ДЕКАБРЯ 1971

ПЯТИЛЕТКА, ГОД ПЕРВЫЙ

Год 1971-й, минувший, был для нас первым годом исполнения того грандиозного плана, который мы зовем пятилеткой.

Пятилетка — дело каждого советского человека, от ее выполнения зависит, как будет жить завтра он сам, его дети, его внуки.

Первый год девятой пятилетки был успешным и, даже по предварительным подсчетам, превзойден по многим показателям. «Пятилетка — год первый» — так мы назвали серию репортажей, публикуемых в этом последнем номере 1971 года, все они объединены одной мыслью: «Я и моя пятилетка».

ЕТОМ !

Николай БЫКОВ

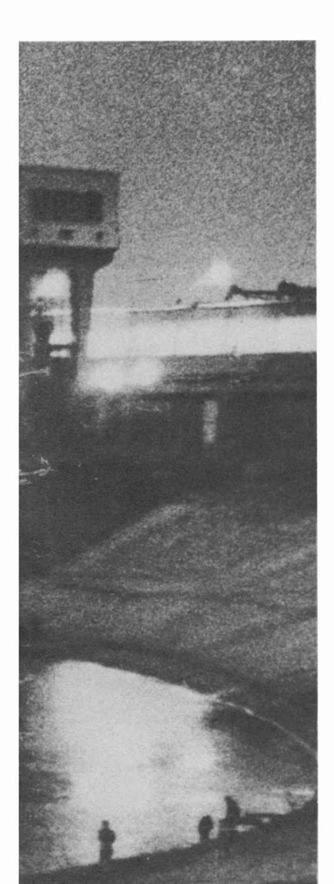
Фото Дмитрия УХТОМСКОГО.

Седьмой бетонный пояс перехватил волжское русло. И вот уже Саратовская ГЭС имени Ленинского комсомола принята Государственной комиссией. Акт подписан, началась промышленная эксплуатация. И далеко-далеко от декабрьской Волги — повсюду, куда идут провода от Саратовской ГЭС, отныне зажигается новый свет!

Когда комиссия уехала, бригады Саратовгэсстроя и спецгидромонтажники организовали складчину. Шли последние дни первого года новой пятилетки. Строители вспоминали минувшие дни: «А не забыл, как мы...» Были тосты за тех, кто начинал (а начинают повсюду изыскатели); и за тех, кто вынул первый ковш грунта — первый из сорока миллионов кубов; и за тех, кто привез на площадку первый бетон. И за тех, кого уже нет сегодня в Балакове, кто на иных берегах, на иных стройках. Был канун второго года нынешней пятилетки, люди загадывали далеко вперед, а Саратовская ГЭС — вот она, как с иголочки. Новое рукотворное созвездие зажглось на Волге. Но строители говорили о новых реках, о новых гидроузлах: «Махнем на Енисей! Там, брат, стройка огромная, не заскучаешь...»

Начальник участка спецгидромонтажа Яков Яковлевич Ковалев так говорил о характере своих ребят, о своем собственном:

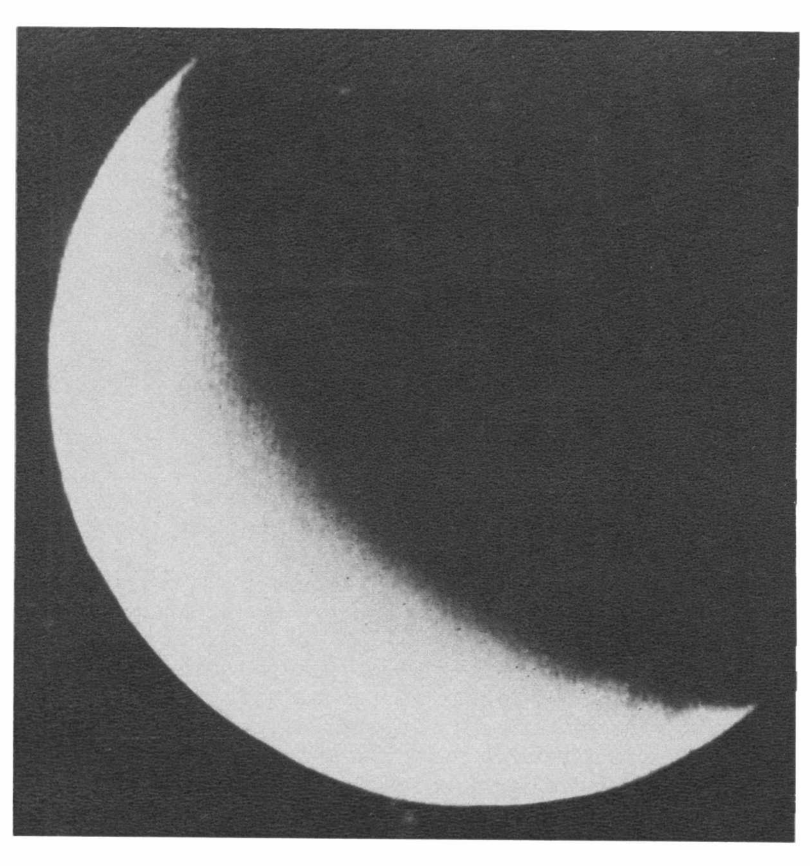
— Никто из нас не должен прирастать к одному месту. Есть, есть оно, особое чувство энергетика! Профессиональное чувство непоседы... Бродяга? Бери выше — мастер, которого зовут, ждут, без которого ни-ни...

Бригадир Николай Пружинин.

ТРИУМФ АВТОМАТИКИ

Таким виден Марс с расстояния около пятидесяти тысяч километров.

Валерий ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

Полет советской автоматической станции «Марс-3» по межпланетной трассе Земля — Марс завершился выдающимся достижением. При подлете к планете от станции отделился спускаемый аппарат, вошел в атмосферу Марса и после торможения в ней совершил мягкую посадку на поверхность. Автоматический аппарат передал с поверхности радиосигналы на борт станции «Марс-3», которая вышла на орбиту вокруг Марса и как ретранслятор передала сигналы спускаемого аппарата на Землю. И вот спутники красной планеты передали на Землю первые фотографии.

Чудесная реальность XX века опередила мечты фантастов: впервые в истории с Марса пришел радиосигнал. Но он был послан на Землю не таинственными марсианскими существами, а сложнейшим космическим аппаратом, сделанным умелыми руками землян.

Всего лишь пятнадцатый год в космическое пространство выходят спутники Земли, пилотируемые корабли и автоматические станции. Но мощь космических ракет, надежность и универсальность автоматики, дальность радиотехнических систем достигли такого уровня, при котором полеты к планетам становятся обычным делом.

И ученые, естественно, мечтают при помощи автоматических станций добраться до более далеких планетных миров. На очереди стоят полеты к Меркурию, Юпитеру, пролет вблизи Солнца. Наконец, довольно заманчив проект, именуемый на Западе «Большим туром» и заключающийся в облете одним аппаратом сразу пяти планет — Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Плутона. При этом для разгона предполагается использовать могучую силу тяготения гиганта Юпитера. Такая возможность представится при старте с Земли в середине этого десятилетия.

Являясь свидетелями развития космонавтики, можно заметить, как фантастические на первый взгляд цели в завоевании космоса порождают не менее фантастическую космическую технику. А ее бурное, подобно снежной лавине, развитие во многих направлениях сразу, в свою очередь, позволяет строить дерзкие, далеко идущие планы.

Нагляднейшим примером наличия подобной прямой и обратной связи между этими факторами — задачами и средствами их реше-

---

С НОВЫМ СВЕТОМ!

И он долго еще говорил о том, что, конечно, у всех строителей собственная гордость, и все же и все же: «Идет человек — и все понимают: монтажник!..»

Переезды — их судьба. Но даже строителям грустно, когда наступают дни переселения. У каждого и Балаково и вот эта седьмая на Волге ГЭС оставили след в душе. И в биографии. И в трудовой книжке.

И только поэтому для каждого строителя Саратовской ГЭС Балаково отныне звучит необыкновенно, как место рождения — рождения новых черт характера, человеческой и профессиональной зрелости, удачи, рождения «своей» электростанции, «своего» нового города. Хотя кто-то, быть может, и счет им, новостройкам, потерял.

Бригадир Николай Петрович Деркач был в Сочи, шел к морю, когда услышал, что в Балакове Государственная комиссия приняла «его» ГЭС. Он признался, что сообщение это перевернуло душу. Нахлынула такая радость: вот он, праздник, наконец-то! И сразу затосковал, заспешил домой — на ГЭС (какая-то она теперь, без строительного мусора?) и вообще домой, к детям. У Николая Петровича две дочери. На Волге родились. Одна на Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС, а вторая — на Саратовской. На Волжской он был электросварщиком, а на Саратовской возглавил комплексную бригаду. За работу на Волжской, будучи комсомольцем, получил орден Ленина. А на Саратовской стал коммунистом, отсюда был делегирован на XXIV съезд партии. И тут, на Саратовской, Николай Деркач работал все годы так, что за самоотверженный труд, за образцовое руководство бригадой ему недавно присвоили звание Героя Социалистического Труда. Понимаете теперь, каким был для него первый год новой пятилетки...

Мы ходим с Николаем Петровичем по ярко освещенному фойе Дворца культуры строителей, рассматриваем картины местных, балаковских художников. «Теперь на какую реку?» Николай улыбается. Рек много. Но здесь, за Волгой, началось строительство канала, рукотворной реки с водным режимом, характерным для Дона. Николай родился на Дону и помнит его, любит. Может быть, он и не поедет никуда — Заволжью нужна еще одна река, искусственная, и, пожалуй, он с ребятами поработает здесь еще не один год...

Гидромонтажники давным-давно ушли с ГЭС. Сейчас они — на соседнем со станцией химкомбинате. Встретиться с бригадиром Николаем Филипповичем Пружининым удалось только поздно вечером. Он сам любезно пришел к нам в гостиницу, поведал о чудесах, которые творили ребята из Спецгидромонтажа. Например, такелажники Мусагида Нуриева всю громаду узлов (общим весом более пятидесяти тысяч тонн) перенесли нежно, в срок и установили на место с ювелирной точностью! Не забыть и декабрь 1967 года, когда за две недели энергетики смонтировали и поставили под нагрузку сразу четыре агрегата. С оценкой «отлично». Помогло новаторство: оборудование собирали заранее, вели монтаж максимально укрупненных узлов.

— Мои статоры! — сорвалось у Пружинина.

Комплексная специализированная бригада Николая Филипповича как раз и занималась сборкой статоров генераторов. За следующие два года — 1968-й и 1969-й — энергетики ввели семнадцать гидроагрегатов. Темпы небывалые.

— Я сюда с севера приехал, из Карелии. С восемнадцати лет монтажник. Был на Ангаре, строил Братскую ГЭС. Нас три брата Пружининых. И все монтажники. Была такая знаменитая комсомольская бригада имени Сергея Тюленина, не помните? Гремели!.. В Братске и женился, Лиля долгое время в моей бригаде работала. (Комментарий Лилии Алексеевны: «Не выдержала, ушла, плохо у мужа в бригаде быть, со всех требует, а с жены втрое».) Волга у меня уже четвертая или пятая река. И один океан! Да, Ледовитый, я работал на экспериментальной приливной станции на нашем севере... Куда теперь? Вот и я своих братьев как-то спрашивал: куда? На Ингури? На Енисей?

...Есть у балаковцев предмет особой гордости, о нем — не о себе — заговаривает каждый. Здесь нет человека, которого бы так или иначе не коснулась идея применения крупногабаритного железобетона, а главное, ее осуществление. И тут уж непременна фраза: «Впервые в отечественной, а может, и мировой практике гидростроительства...»

ЗЕМЛЯ-МАРС СССР•1971

Четкое изображение Герба Советского Союза было принято наземными станциями в ходе проверки фототелевизионной системы связи «Земля — Марс».

ния является нынешний полет автоматической станции «Марс-3».

Прошло немного времени с момента выхода советских станций на орбиту вокруг Марса, и в лаборатории ученых начали поступать данные первых измерений и фотографии планеты.

Как известно, орбиты станций существенно отличаются по своим параметрам. Если наименьшие расстояния до планеты в перицентре почти равны, то в апоцентре «Марс-3» удаляется от планеты на расстояние примерно в шесть раз больше, чем «Марс-2». Это обстоятельство во многом будет способствовать получению более широкой информации об околопланетном пространстве.

Научной аппаратурой спутников измеряются характеристики магнитного поля планеты, исследуется состояние ионосферы и ее взаимодействие с солнечным ветром, регистрируются заряженные частицы вблизи Марса. Так, выяснилось, например, что концентрация электронов в несколько раз ниже около Марса, чем вблизи Земли. А наличие атомарного водорода подтвердилось до высоты в 20 тысяч километров от поверхности планеты.

Но главной задачей спутников является исследование физических условий на поверхности и в атмосфере планеты. С помощью инфра-красного и сантиметрового радиометров ученые надеются получить подробную тепловую карту Марса.

Получены интересные данные об одной из точек измерений на поверхности, температура которой на 25 градусов выше, чем в соседних измеренных районах. Аналогичные температурные аномалии были зафиксированы приборами спутника «Маринер-9». Некоторые ученые связывают эти загадочные явления с возможной вулканической деятельностью.

Получены первые результаты о содержании паров воды в атмосфере Марса, атомарного водорода и кислорода, нейтрального газа аргона.

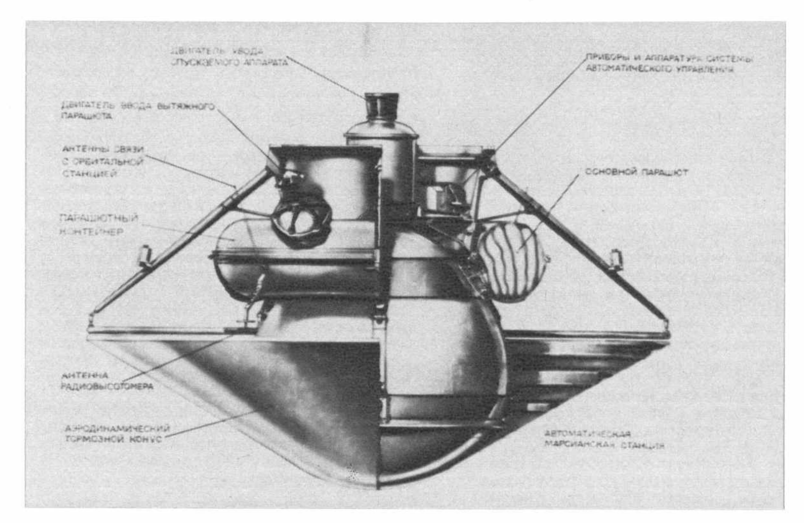
Важной частью программы исследований с помощью спутников является получение рельефа и измерение отражательной способности поверхности, а также получение крупномасштабных и глобальных фотографий Марса.

Марсианская атмосфера в основном состоит из углекислого газа. При характерном марсианском рельефе с обилием возвышенностей и глубоких впадин плотность атмосферы, а следовательно, и концентрация углекислого газа по поверхности весьма различны. Это обстоятельство использовано для определения рельефа местности с помощью инфракрасных фотометров. Приборы оценивают количество углекислого газа на линии визирования, другими словами, по трассе спутника, и тем самым вычерчивают рельеф поверхности.

Марс благодаря разреженной и безоблачной атмосфере—планета, более удобная для фотографирования со спутника, чем Венера и даже Земля. Уже первые фотографии, произведенные космическим аппаратом с пролетной траектории, выявили на Марсе ландшафт, подобный лунному по обилию кратеров. Однако последующие снимки, выполненные «Маринерами» в 1969 году, породили ряд сомнений и гипотез: на поверхности планеты оказались долины, усеянные кратерами, ровные пустыни и области с хаотично нагроможденными хребтами. Исследователям это чрезвычайно интересно, так как говорит о разном происхождении марсианских ландшафтов.

Дальнейшему изучению загадочной поверхности Марса поможет фотографирование планеты с искусственных спутников. Фототелевизионные камеры, имеющиеся на станциях «Марс», оснащены двумя объективами: короткофокусным для съемки больших площадей и планеты в целом и длиннофокусным для детальной съемки с большим разрешением. Причем фотокамеры и научные приборы установлены на станциях так, что можно одновременно получать и фотографии поверхности и результаты измерений именно этого района Марса. Таким образом, фотографирование поверхности и данные научных измерений взаимно дополнят и уточнят информацию о физических условиях Марса.

Разыгравшаяся в последние месяцы мощная пылевая буря скрывает от взора орбитальных автоматических исследователей истинные черты облика красной планеты. Но ученые и специалисты космической техники полны надежд, что в самое ближайшее время вместе с пеленой марсианской пыли падет наконец завеса многих тайн Марса.

Спускаемый аппарат станции «Марс-3».

Фото ТАСС.

Сейчас Саратовгэсстрой возглавляет Александр Иванович Максаков. Он молод еще. Он, наверное, самый молодой из всех начальников подобных строительств. И в его жизни эта стройка займет, конечно же, особое место — она первая! Как первая перегороженная река, как первая любовь...

Александр Иванович сидит в опустевшем вдруг сразу кабинете и грустно улыбается:

— Вот и конец... Акт подписан. Пришла на станцию (на нашу станцию!) своя дирекция, у нас пропуска изъяли, на душе как-то пусто... Наверное, это всегда так и бывает, но у меня это в первый раз...

Тогда-то он и рассказал о том, о самом главном, о чем мне до него рассказывали и секретарь парткома Саратовгэсстроя Владислав Васильевич Копёнкин и Петр Васильевич Кулынгин, секретарь парторганизации гидроузла, и, кстати, новый хозяин, директор Саратовской ГЭС Георгий Сергеевич Голованов (да и он, как оказалось, вовсе не сторонний человек, и он строил станцию, а живет в Балакове уже шестнадцатый год). Но лучше всех, подробнее всех о том самом заветном предмете особой гордости балаковцев рассказал именно Максаков, с плеч которого сразу свалились сто забот:

— Труд многотысячного коллектива... Много подлинных героев стройки... И важно отметить оригинальное инженерное решение при строительстве станции. Обычно возводят так называемый монолит — сплошь бетон! Это надежно, проверено на сотнях рек. Однако возможно иное решение — сборно-монолитная конструкция. Такова наша Саратовская. Мы уже пережили четыре паводка — и теперь ясно, что мы победили. Да, теперь ясно всем, но вначале у человека, который задумал, проектировал Саратовскую ГЭС так, а не иначе, у этого Инженера с большой буквы было много оппонентов. Противников. Прямых и косвенных. Я говорю о Николае Максимовиче Иванцове, об авторе проекта и недавнем начальнике Саратовгэсстроя.

Иванцов еще в молодые годы мечтал использовать на строительстве гидросооружений сборный железобетон. Не монолит, а каркас из блоков. Из каких блоков? Сколько их понадобится? Каков объем «сборности»? Выдержит ли такая сборная конструкция напор реки?..

Максаков принимал самое непосредственное участие при изготовлении блоков, элементов, тех самых «кубиков», из которых предстояло сложить все сооружение. Такое по плечу молодым инженерам и техникам, которые не обременены шаблонным мышлением, опытом предыдущих строек. Максаков только что из института и был одним из таких, на которых опирался дерзкий в своих мечтах и расчетах Иванцов. Шли годы, одни эксперименты сменялись другими, огонь схваток из одних кабинетов перебрасывался в другие. Наконец, установка первого блока — первого из пяти тысяч «кирпичиков». Не приехал никто из городского начальства... И все-таки это было праздником строителей, приступивших к необычному монтажу. Но и демонстрацией неприятия идеи Иванцова со стороны его убежденных противников. Блок установили. Установили и второй, и сотый, и тысячный... Блоки пошли потоком — «фирма» молодого Максакова не подвела. А Николай Максимович тогда слег...

Сейчас Максаков говорит:

— Какие баталии случались в этом кабинете! Вот здесь Николай Максимович еще и еще раз склонялся над чертежами. Обычно на «монолитных» стройках громоздятся щиты, опалубка, мусор, костры... У нас было чисто — блоки готовили на заводе, завозили их на специальных платформах, на месте кантовали — ставили на попа, варили... Шли на это только добровольцы... Элементы сэкономили нам целый год! Так что считайте, что все строители Саратовской ГЭС моложе на год... Риск? Технического риска, разумеется, не было. Была новая идея, да, рискованная, революционная в гидростроительстве идея. Но все расчеты сто раз были перепроверены и утверждены в самых высоких инстанциях.

Таким образом, и для Максакова минувшие десять лет на Волге были годами мужания, инженерного становления. Он увидел, как пробивается к жизни новизна. И чего это стоит тем, кто не умеет отступать.

...Ушли строители. Осталась Волга, огни, великолепие машинного зала. Все агрегаты (а их двадцать один!) дают промышленный ток. Энергия седьмой волжской станции поступила в системы Поволжья и Центра (а далее в европейскую энергосистему). Прекрасный дар первого года новой пятилетки! Строители переключились на «химию», на «мелиорацию», а кто уехал на Саяно-Шушенскую, на Ингури. Но где бы ни были строители Саратовской ГЭС имени Ленинского комсомола, они, услышав о ней, вспомнят волжские плесы, старый городишко Балаково. И сердца их дрогнут в ответ на новогодний тост энергетиков:

— С Новым годом, с новым светом, товарищи!

РОЖДЕННЫЙ В БОРЬБЕ

Славную годовщину отметил на днях мужественный народ Южного Вьетнама. Одиннадцать лет назад родился Национальный фронт освобождения, который с тех пор неизменно выступает как организующая и руководящая сила народа Южного Вьетнама в его героической борьбе против американских интервентов и антинародного сайгонского режима.

В приветственном послании, направленном Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным Центральному Комитету НФОЮВ, Временному революционному правительству и всему народу Южного Вьетнама, говорится: «Советские люди с восхищением следят за борьбой южновьетнамского народа, проявляющего массовый героизм, самоотверженность и непоколебимую решимость добиться победы своего правого дела. Верные ленинским принципам интернационализма и солидарности с национально-освободительной борьбой угнетенных народов, ЦК КПСС, Советское правительство и весь советский народ последовательно оказывают всестороннюю поддержку народам Индокитая в отпоре империалистическим агрессорам».

На снимке: заседание Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. В центре — Председатель ВРП Хюинь Тан Фат.

Фото из журнала «Вьетнам».

«БАНГЛА ДЕШ СТАЛА СВОБОДНОЙ»

Этот снимок сделан несколько дней назад в городе Джессуре, важном промышленном центре Восточного Пакистана. Жители приветствуют отряды бойцов «мукти бахини», которые вместе с индийскими войсками освободили город.

Капитуляция пакистанских войск на восточном фронте и последовавшее за тем прекращение военных действий на Индостанском полуострове открывают путь к восстановлению мира в этом районе.

«Бангла деш стала свободной, и продолжение нынешнего конфликта становится бессмысленным»,— говорится в Заявлении индийского правительства. «Мы хотели бы строить свои отношения с народом Пакистана на основе дружбы и взаимопонимания»,— заявила Индира Ганди.

Советский Союз и другие миролюбивые страны одобряют стремление Индии к нормализации обстановки в Индостане.

Фото ТАСС.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВЗРОСЛЕЯ ВМЕСТЕ С МИРОМ

Джеймс ОЛДРИДЖ

В тридцатые годы, когда я достиг беспокойной черты возмужалости, мне очень хотелось стать иностранным корреспондентом. При этом у меня в голове засели два отчетливых намерения: побывать там, где назревал международный кризис, а также и там, где можно увидеть в действии социалистическую систему. В те времена было сравнительно легко сочетать в мыслях оба эти желания. Кризис явно нависал над Европой — фашизм начал готовить свою агрессию, а единственной социалистической страной был в то время Советский Союз.

Меня и в более поздние годы не покидало это двойное желание — быть очевидцем потрясений на Западе и свидетелем дел и свершений нового, социалистического мира. Однако существенная разница между «тогда» и «теперь» заключается в том, что в наши дни уже не найти какого-то одного определенного места, где может разразиться мировой конфликт, как нет больше единственного места, где можно увидеть живой, действующий социализм.

В самом деле, куда устремиться сегодня молодому человеку, которого обуревают те же желания, что и меня в молодости? Ринуться ли ему в Азию, где льется кровь народов от руки захватчиков, или в Латинскую Америку, в Северную Ирландию, Чикаго, Африку? Ведь подлинная суть современных международных потрясений заключается в том, что кризис капиталистической системы стал повсеместным, как повсеместно рождается, пускает корни и крепнет социализм.

Закончившийся год, если проследить событие за событием, был одним из самых значительных после окончания второй мировой войны. Разумеется, еще далеко не все стало ясным, еще нет такого размежевания сил, когда люди, как бы сформировавшись в две огромные колонны, двигались бы по планете в двух противоположных направлениях, навстречу двум различным судьбам. В некотором смысле мировые конфликты нашего времени протекают как противоборство двух социальных систем, которые стремятся себя упрочить. Капиталистический мир отчаянно пытается с помощью маневров, компромиссов, хитрости и вероломства возродить себя в качестве цельной и долговременной системы. Социалистические страны и народы, сбросившие иго и поднявшиеся к новой жизни, настойчиво строят и укрепляют свое общество, твердо уверенные в его прочности и долговечности. И когда сопоставляешь эти две системы в действии, когда вдумаешься в характер их борьбы в современных условиях, едва ли потребуется ученый эксперт, чтобы понять, какой системе принадлежит будущее и какая обречена и будущего не имеет.

Ныне все большее влияние приобретает идея разрядки напряженности в Европе. Идея эта исходит от Советского Союза. Канцлер ФРГ В. Брандт и президент Франции Ж. Помпиду прислушались к этой идее, понимая, что их народы хотят и ждут разрядки. Европейцы наших дней нередко задают себе простой вопрос: сколько же раз и сколько лет в истории Европы мы вели войны между собой? На это можно ответить, что европейцы рубили друг друга мечами еще задолго до того, как они сложились в нации, и очень долго после того, как эти нации возникли. И все это без сколько-нибудь разумных причин. Канцлер Брандт и президент Помпиду присоединились к этому образу мыслей, давно уже разделяемому их народами. Англия же в этом смысле продолжает оставаться «аутсайдером» в деле европейской разрядки. Правящая Англия все тщится применять в европейских делах свои старые империалистические методы. Открытая и ожесточенная вражда к смягчению напряженности — вот что такое нынешняя британская политика.

Однако эта политика не является последовательной. Сегодня правители Англии скорее напоминают аварийную железнодорож-

ТРЕТИЙ ЖУРНАЛИСТСКИЙ

Два дня в Колонном зале Дома союзов проходили заседания третьего съезда Союза журналистов СССР. Советские журналисты, боевые помощники партии, обсуждали проблемы, стоящие перед советской печатью, телевидением, радио.

В отчетном докладе председателя правления Союза журналистов СССР М. В. Зимянина говорилось о работе советской прессы, телевидения, радио по осуществлению задач, поставленных XXIV съездом КПСС, была проанализирована деятельность творческого союза, объединяющего ныне 50 тысяч членов. В развернувшемся затем обстоятельном, деловом разговоре приняли участие многие делегаты съезда.

В работе съезда приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, руководители отделов ЦК КПСС, министры СССР.

На съезде выступил заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Г. Л. Смирнов.

Состоявшийся после съезда первый пленум правления Союза журналистов СССР избрал руководящие органы Союза. Председателем правления вновь избран главный редактор «Правды» М. В. Зимянин.

Н а с н и м к е: в зале заседания съезда.

Фото Дм. Бальтерманца.

ную бригаду, которая пытается остановить поезд, поставив барьер поперек рельсов; и когда паровоз просто отшвырнет барьер с пути, бригада вскакивает на подножки поезда и едет некоторое время в нем, чтобы потом поставить еще один барьер.

Всегда надо иметь в виду то влияние, которое оказывает внутренняя политика на внешнеполитический курс. В нынешней Англии как внешняя, так и внутренняя политика одинаково реакционны,— это самая реакционная политика, какую мы знали за последнее полустолетие. Причина в том, что реакция бешено борется за самое свое существование — ей приходится пускать в ход самые крайние реакционные меры, чтобы выжить.

Положение в Северной Ирландии отражает это. Не террор и расправы пробудили народ Ольстера — движение там было вызвано пробудившимся сознанием народа, более правильным пониманием реальной действительности. Не под «влиянием Кубы», как пытаются это утверждать, произошли знаменательные перемены в судьбе Чили — это было социальное пробуждение бедного и угнетенного народа.

Лично я, даже в самых фантастических снах, не представлял себе, чтобы раньше чем через десятилетие, а то и еще более могли в Латинской Америке родиться социалистические страны. И точно так же, как в молодые годы, меня тянет сейчас отправиться в Латинскую Америку, чтобы своими глазами увидеть происходящее там глубокое обновление. Или в Северную Ирландию, в Индию, на Филиппины, в Японию. Кризис старого мира разыгрывается повсюду. Хочу увидеть, как прочно становится на ноги Куба. Хочу знать на месте, как живет Чили после национализации достояния ее народа — меди. И опять-таки посмотреть, как поднимаются ростки социализма в далеких и разных странах. Я восхищен соглашением, достигнутым между ГДР и ФРГ. И, конечно, не могу держаться в стороне от всего, что происходит на Ближнем Востоке, в Греции, Испании, даже на далеком Тристан да Кунья, где только что произошла забастовка.

Таков мир, в котором я все еще продолжаю взрослеть. С каждым годом этот мир все больше волнует меня. Думается даже, эта взволнованность вызывается тем, что я поддерживаю восходящие и побеждающие силы мира, хотя еще немало впереди суровых и трудных испытаний, пока мы сможем по-настоящему почувствовать, что наша планета стала безопасным и надежным жилищем для всех людей.

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

Скончался выдающийся советский поэт Александр Трифонович Твардовский. Многонациональная советская литература понесла тяжелую, невосполнимую утрату.

Горячий патриот социалистической Родины, А. Т. Твардовский с большой художественной силой запечатлел духовное богатство нашего современника, воспел трудовой и ратный подвиг народа. Он был поэтом, воспитанным на передовых традициях русской классической литературы — традициях народности и гражданственности. Его творчество явилось крупным вкладом в развитие советской поэзии, литературы социалистического реализма.

А. Т. Твардовский родился 21 июня 1910 года в деревне Загорье, Починковского района, Смоленской области, в крестьянской семье. Русская природа, труд человека на земле, перестройка жизни на новых началах стали источником его вдохновенного творчества, которое он отдал великому делу коммунистического созидания. Активный общественный деятель, член КПСС с 1940 года, А. Т. Твардовский неоднократно избирался в верховные органы государственной власти, руководящие партийные органы, был в течение многих лет секретарем правления Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Новый мир», достойно представлял советскую литературу на международных писательских форумах.

Первое крупное произведение А. Т. Твардовского «Страна Муравия», в котором отображена пора великого перелома в деревне, сделало имя поэта широко популярным у советских читателей. Новой жизни села были посвящены многие его стихотворения.

Творческий путь А. Т. Твардовского неразрывно связан с Советской Армией. В годы Великой Отечественной войны в качестве фронтового корреспондента он постоянно был рядом со своими героями, защищавшими нашу Родину, он видел их в бою и на недолгом солдатском привале, в горе и радости, в дни испытаний и побед. Созданный им образ народного героя Василия Теркина олицетворяет несгибаемый характер советского солдата, его мужество и стойкость, юмор и находчивость. Этот замечательный образ воодушевлял бойцов и тружеников тыла на подвиги во имя победы над врагом, ради жизни на земле. «Книга про бойца» останется бессмертным памятником советскому воину-освободителю.

Творчество А. Т. Твардовского — органический сплав широких, эпических картин жизни и проникновенного лиризма. С особой силой это проявилось в его поэме «За далью — даль», в последнем стихотворном сборнике «Из лирики этих лет».

Поэзия А. Т. Твардовского являет собой поучительный пример высокой простоты, взыскательного отношения художника к своим творениям. Поэт щедро черпал из народной речи и обогащал народную речь, он прекрасно знал мир поэтических представлений народа и обогатил этот мир своими образами.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили творчество А. Т. Твардовского: он награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды. Его произведения удостоены Ленинской премии и четырех Государственных премий СССР.

Поэт-коммунист, человек большого обаяния, Александр Трифонович Твардовский будет вечно жить в памяти народной. Его патриотические, талантливые произведения навсегда вошли в культурную сокровищницу советского общества.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, Е. А. Фурцева, Е. М. Тяжельников, К. А. Федин, Г. М. Марков, Г. Г. Абашидзе, А. А. Алимжанов, Т. Аскаров, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, А. П. Беляускас, В. Э. Бээкман, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, П. У. Бровка, Ю. Н. Верченко, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, М. А. Ибрагимов, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, В. П. Козаченко, А. Е. Корнейчук, Л. М. Леонов, М. К. Луконин, С. В. Михалков, Г. М. Мусрепов, С. С. Наровчатов, Л. Н. Новиченко, Нури Заки, В. М. Озеров, Б. Н. Полевой, Р. И. Рождественский, А. Д. Салынский, С. В. Сартаков, К. М. Симонов, Ю. К. Смолич, А. А. Сурков, М. Танк, Н. С. Тихонов, Э. С. Топчян, М. Турсун-заде, Н. Т. Федоренко, А. Б. Чаковский, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов, Р. М. Эсенов, А. И. Янсонс, К. Яшен, М. В. Исаковский, Б. М. Кербабаев, Р. Г. Гамзатов, М. А. Дудин, К. Ш. Кулиев, Я. В. Смеляков, И. С. Соколов-Микитов, С. П. Щипачев, Л. А. Кулиджанов, Н. А. Пономарев, Т. Н. Хренников, М. И. Царев.

ХЛОПОТЫ О БОЛЬШОМ СЕМЕЙСТВЕ

Группа работников Минского тракторного завода удостоена Государственной премии СССР за 1971 год. «За создание и освоение серийного производства унифицированных колесных, полугусеничных и гусеничных тракторов классов 1,4—2 тонны тяги на основе базовой модели «Беларусь» МТЗ-50 для комплексной механизации возделывания пропашных культур» — так сказано в Постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. В числе лауреатов — заместитель главного конструктора завода Виктор Владимирович Войтиков. С ним мы и побеседовали о первом годе новой пятилетки, о том, каким он был для самого Виктора Владимировича и его товарищей по конструкторскому цеху.

— Ну, естественно,— начинает он разговор,— самым знаменательным для меня и моих заводских коллег было присуждение нашему коллективу Государственной премии. Такая награда в такой знаменательный год — заряд по крайней мере на две пятилетки вперед.

— В чем принципиальный технический смысл вашего поиска?

— В том, что при создании тракторов применен метод узловой унификации и машины самого различного назначения, типа и класса практически собираются из одних и тех же основных узлов.

— Сколько же времени ушло на конструирование этого большого семейства?

— Труд завершен в семьдесят первом году, но условно, потому что движение конструкторской мысли не прерывается никогда, даже после признания и выпуска машины. Что касается наших исканий, они начались фактически в пятьдесят третьем году, когда с конвейера МТЗ сошел первый трактор.

Сейчас каждый третий трактор, работающий в хозяйствах страны, носит марку МТЗ. Наши машины в числе первых получили Знак качества. А то, что «Беларусь» покупают более чем в 50 странах мира,— свидетельство его добротности и надежности.

Добавлю, что конструкторы МТЗ владеют 45 авторскими свидетельствами и тремя патентами за рубежом.

— Ну, а семьдесят первый год... Чему вы посвятили его?

— Будущему. А ближайшее будущее для нас — это трактор, который станет на конвейер в 1973 году. Он намного превзойдет своих предшественников мощностью, производительностью, комфортабельностью (если можно так сказать о рабочей машине). Он уже прошел государственные испытания, однако мы, конструкторы, все равно занимаемся им, совершенствуем, ищем оптимальные решения узлов, деталей. И будем искать...

В нашу беседу включается еще один лауреат Государственной премии СССР, тоже заместитель главного конструктора завода Петр Яковлевич Прицкер.

— Среди событий семьдесят первого года было еще одно, о котором грех умолчать. Государственная премия помогла нам восстановить старую студенческую дружбу, дружбу двадцатипятилетней давности. Ведь мы трое из лауреатов-тракторозаводцев — Петр Иванович Бойков, Виктор Владимирович и я — вместе в 1947 году окончили в Уфе институт. Жизнь разбросала выпускников по разным городам, а поток повседневных забот не всегда позволял найти время даже написать письмо, не говоря уже о том, чтобы съездить повидаться. И вот теперь пришла телеграмма из Куйбышева нам троим. Старые друзья Андрей Комаров, Володя Орлов, Нина Кириллова, Валя Астафьева и Боб Шаховкин разыскали и поздравили нас. А вслед за телеграммой — фотография: все они, дорогие, в «современном варианте». А следом еще один приятный сюрприз — в Минск приехал Андрей Комаров, представитель пятерки. Явился и привез стихотворное послание. В нем объяснение, почему не смогли приехать все (служба, семьи, юбилеи), и требование:

«Лауреатами как стали,
нам объяснить и доложить».

И пожелание: «лауреатство не предел»...

Вот так одна радость обернулась двумя, как в хорошей новогодней сказке. Пусть «Огонек» передаст в Куйбышев наш новогодний привет и самые добрые пожелания хорошим и милым друзьям.

А. ЩЕРБАКОВ

С ПТИЧЬЕЙ ВЫСОТЫ

Здесь, на Кодийском плато, три старых селения, тысяча с лишним домов. Сейчас тут заканчивается строительство крупнейшего птицеводческого комплекса Кодийской птицефабрики.

Передовой бригадир монтажников Тенгиз Амурвелашвили рассказывает:

— Я сам из Коды. В этом селе родился. И вся наша строительная бригада, все пятнадцать человек, из этого села. Были колхозниками — стали рабочими. Наша бригада первая внедрила разработанный в тресте новый в Советском Союзе метод крупных стеновых панелей для птичников. А в этом году у меня и моих товарищей большая радость — завоевали звание бригады коммунистического труда.

Еще не снесены те яйца, которые дадут первых «поселенцев» Кодийской птицефабрики. Некому пока облюбовывать себе места в жилых птичьих массивах, птичниках. Их здесь будет более тридцати. Войдите в один такой жилптичмассив. Длина — почти сто метров. Просторно, светло, вентиляция, выходы на свежий воздух. Здесь будут обитать 20 тысяч бройлеров на так называемой глубокой подстилке, а попросту на лотке. Уже смонтированы на нем деревянные жердочки, автоматические кормушки и поилки. Включит птичница механизмы, подающие воду или корм, и вся орава кинется поглощать рацион. Механический зов исключит древнейшее, как мир, «цып-цып-цып!..». Разве что обронит его кто-нибудь из кодийских птичниц по привычке, от наплыва чувств, скажем, к фраэрам.

«Фраэр» — это совсем не то, что вы думаете. Фраэр — это самый молодой молочный цыпленок. У него хрупкие ножки и тонкий писк. У трехмесячных упитанных цыплят, бройлеров, голоса погуще. Петушиный пол почти весь идет в производство бройлеров. Зато самых сильных юных курочек отбирают для воспроизводства потомства. Весь птичий городок создан индустриальными методами из крупноразмерных сборных элементов. На специальном заводе делали панели из бетона с пемзой и доставляли сюда панелевозами. Каркас каждого птичника монтировался 20 дней, а все здание готово было полностью за два месяца вместо плановых 98 дней. Кода войдет в эксплуатацию на год раньше срока.

Мы, строители, уже покидаем все эти железобетонные блоки, куда с нового года резвое птичье общество вдохнет свое тепло.

О птичьем обществе имеются такие данные: оно будет производить ежегодно два миллиона бройлеров, 3 373 тонны птичьего мяса. Мало это или много, судите сами: к концу прошедшей пятилетки вся Грузия имела птичьего мяса почти на тысячу тонн меньше, чем даст только одна Кода!

Ия МЕСХИ

На снимке: строительство Кодийской птицефабрики.

Фото Левана Херхеулидзе.

ПОЛЕТ МЫСЛИ, ПОРЫВ ДУШИ...

М. ТЕР-СИМОНЯН

Каждый народ имеет свои памятники искусства, сохраняющие образ жизни, ее движение то в живописных полотнах, то в гордых каменных одеяниях, доносящие высокий полет человеческой мысли—в древних рукописях, прекрасные порывы души — в бессмертных мелодиях.

В духовной сокровищнице каждой нации навсегда остаются и сами люди, создавшие драгоценные памятники.

Таким светлым и вечным творцом прекрасного стал яркий, самобытный композитор, талантливый дирижер, чуткий педагог, музыкально-общественный деятель Александр Спендиаров, чье 100-летие со дня рождения широко отмечает вся страна.

Заложив основы армянской музыкальной классики, Спендиаров стал одним из первых наиболее выдающихся строителей культуры Советской Армении. Исключительно велика его роль в становлении национальной композиторской школы, формировании ее эстетических и художественных принципов.

Жизнь и творчество Спендиарова, протекая на рубеже двух эпох, в обстановке ожесточенной борьбы различных, порой взаимоисключающих течений в искусстве, связали, в сущности, два исторических периода развития армянской музыки: с одной стороны, оно прочно связано с классической музыкальной культурой XIX века, а с другой — предопределяет возникновение многих характерных явлений современного советского музыкального искусства.

Музыкальное образование Александр Спендиаров получил в России. Москва и Петербург дали ему дружбу с Римским-Корсаковым — он был его учителем,— Глазуновым, Лядовым, Аренским, Блуменфельдом, Оссовским... Формирования мышления, художественных принципов и идеалов композитора способствовали встречи с Чеховым, Горьким, Шаляпиным и многими другими выдающимися людьми России... И нельзя не видеть, что творчество Спендиарова, питаясь из богатого источника родной музыкальной культуры, прочно опирается на могучие художественные традиции русской классики.

Родился Спендиаров 1 ноября (20 октября по старому стилю) 1871 года в местечке Каховка тогдашней Таврической губернии — ныне это Херсонская область... Интеллигентная армянская семья старалась развить рано проявившиеся художественные наклонности ребенка. Он с трех лет, например, начал вырезать фигурки различных зверюшек из бумаги, которыми чрезвычайно заинтересовался друг семьи Спендиаровых, художник И. Айвазовский, и даже повез в Петербург эти детские «забавы», чтобы показать их в Академии художеств... Позже мальчик стал рисовать и писать стихи; с девяти лет он начал учиться игре на фортепиано, а затем на скрипке.

Наиболее ярким музыкальным впечатлением юношеских лет Спендиарова была опера «Кармен», услышанная им в Венском оперном театре, с превосходным оркестром и образцово исполненная... Молодой романтик как о высшем счастье мечтал когда-нибудь услышать свое произведение в исполнении такого же прекрасного оркестра. Однако пока ни родители Спендиарова, ни сам он еще и не помышляли о специальных занятиях музыкой. В 1890 году юноша поступил на естественный факультет Московского университета, через год перешел на юридический и окончил его. Однако скрипка не забывается: Спендиаров берет уроки у артиста Большого театра Пекарского, играет в студенческом оркестре. Тут-то его и заметил Н. С. Кленовский — руководитель оркестра, известный композитор и дирижер. После двух лет занятий с Кленовским Спендиаров приехал в Петербург, чтобы продолжить специально музыкальное образование.

«До моего знакомства с Р.-Корсаковым,— пишет композитор в «Автобиографии»,— я далеко не был уверен, несмотря на похвалы Н. С. Кленовского и некоторых других музыкантов,— обладаю ли я достаточными данными для того, чтобы всецело посвятить себя композиторской деятельности... единственным музыкантом, которому я мог бы доверить решение этого вопроса, представлялся мне в то время — уже тогда мой самый любимый композитор — Р.-Корсаков».

Просмотрев «кипу работ» Спендиарова, Римский-Корсаков решил заниматься с талантливым юношей, и окрыленный, поверивший в себя музыкант с головой уходит в творчество. Он создает прекрасные вокальные миниатюры; в 1900 году им написана «Концертная увертюра», которая удостоилась высокой оценки Римского-Корсакова и сразу принесла автору признание; в 1903 году появилась на свет первая серия «Крымских эскизов» — живые, красочные, образно-характерные жанровые зарисовки жизни и быта крымских татар, вызывающие яркие конкретные ассоциации в воображении слушателя. «Крымские эскизы», несомненно, один из лучших образцов программного симфонизма в армянской музыке.

В 1905 году Спендиаров создал замечательную симфоническую картину «Три пальмы» — по Лермонтову; восточная легенда, отразившая вольнолюбивые идеалы поэта, оказалась созвучной и таланту композитора, его общественно-идейной направленности. Выразительная, картинная музыка Спендиарова гибко, поэтически-вдохновенно передает внутреннюю сущность лермонтовского сказания, мир его образов и переживаний, достигая при этом глубокого философского осмысления трагедии... Это произведение редкой искренности и поэтической красоты.

К тому же периоду относится создание «Бэды-проповедника» (на слова Полонского) для контральто и оркестра и мелодекламации «Мы отдохнем» по Чехову. За эти вокальные сочинения и симфоническую картину «Три пальмы» автор трижды удостаивался высокой музыкальной награды — премии имени Глинки. В те же годы Спендиаров с большим успехом начал выступать как дирижер.

В доме, где жил композитор, всегда царило вдохновение. Частыми его гостями в Крыму бывали Чехов, Горький, Шаляпин, Бенуа, Аренский... В живых спорах, обменах впечатлениями рождались новые интересные замыслы... Тесно общался Спендиаров с местной армянской интеллигенцией. Первое значительное произведение, где музыкант стремится отразить армянскую тематику,— вокально-симфоническая поэма «Забытые могилы» по Хачатуру Абовяну, проникнутая горячим гражданским чувством, не была допущена к изданию царской цензурой. Позднее, в 1914 году, по мотивам Абовяна было создано еще одно вокально-симфоническое сочинение — «Туда, туда, на поле чести», а также несколько романсов...

Композитора волнует идея создания национальной оперы; он долго и пытливо ищет сюжет, близкий его творческим устремлениям.

И тут важнейшую роль в дальнейшей творческой жизни Спендиарова сыграла встреча с великим армянским художником Мартиросом Сарьяном. Они давно симпатизировали друг другу; их встреча вылилась в долголетнюю искреннюю дружбу. Именно Сарьян подсказал Спендиарову мысль написать оперу на исторический сюжет. А после личного знакомства с обаятельным Ованесом Туманяном, занявшись вплотную изучением кавказской музыки, Александр Афанасьевич окончательно решил написать оперу на поэму Ованеса Туманяна «Тмкаберти Арум» («Взятие крепости Тмук»).

Замечательная поэма Туманяна «Тмкаберти Арум» с ее патриотическими, героическими и психологическими мотивами давала большой простор воображению композитора. В 1916 году он с увлечением принялся за работу. Автором либретто была Софья Парнок, талантливая русская поэтесса. Их сотрудничество оказалось плодотворным: опера «Алмаст» поражает редким слиянием музыки и слова, единым творческим звучанием. Бо́льшая часть оперы была написана к 1923 году. Работал Спендиаров горячо, увлеченно, но, как видим, довольно медленно, он всегда особенно тщательно и придирчиво отделывал детали...

В 1924 году Спендиаров получил предложение правительства Советской Армении переехать в Ереван и возглавить музыкальную жизнь республики. Он согласился с радостью. И тут для него начался новый, еще более значительный период творческой деятельности. В полуразрушенном после войны, голодном и холодном Ереване Спендиаров с энтузиазмом включается в строительство новой музыкальной культуры своего народа. Отныне он до конца жизни испытывает необычайный творческий подъем. Он ведет большую педагогическую и общественную работу и в то же время создает новые выдающиеся оригинальные сочинения, где окончательно шлифуется его стиль.

Непосредственным отражением жизненных впечатлений Спендиарова в этот период явились замечательные «Ереванские этюды» — драгоценная жемчужина национального симфонизма. В музыке «Этюдов» с редкой силой воплотились представления композитора об Армении, о характере и душе родного народа...

Смерть оборвала жизнь великого композитора, когда он достиг вершин творчества, когда его светлый, глубоко человечный талант раскрылся наиболее щедро и полно, когда он был одержим новыми вдохновенными планами... Остались неосуществленными замыслы Севанской симфонии, симфонической картины «Армения», симфонии «Весна»... Но сколько же было осуществлено! Сколько создано...

Александр Спендиаров по праву считается любимым, наиболее почитаемым композитором Армении. Наряду с Комитасом он стал родоначальником армянской классической музыки, предопределившим на десятилетия вперед ее творческое развитие... Недаром его музыку, отмеченную высоким мастерством и тонким вкусом, широко знают и ценят в Советской стране и за рубежом.

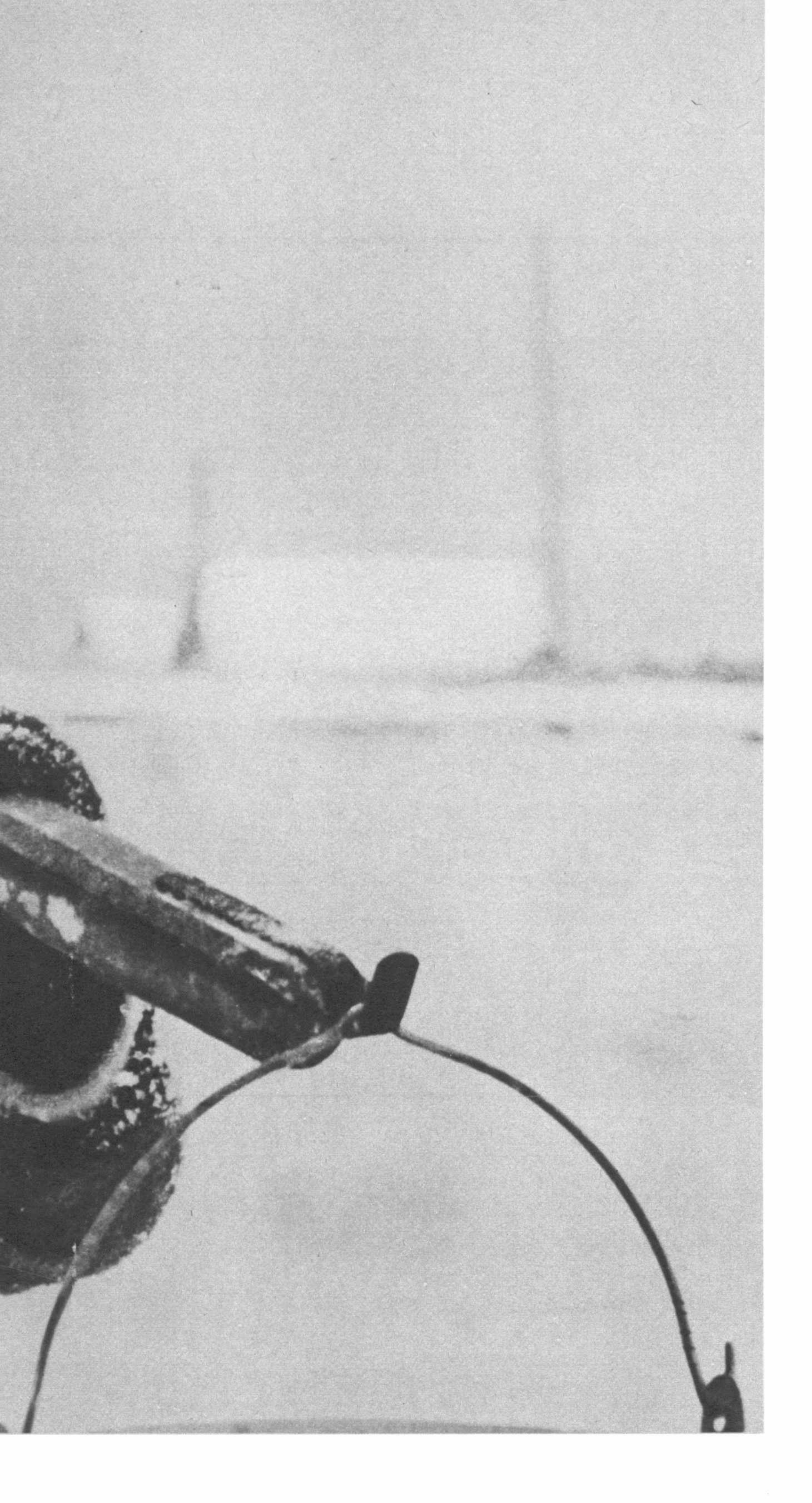
Тамара Колчанова: «Новому снегу душа радуется».

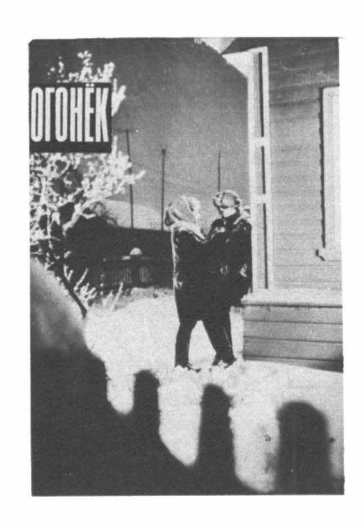
Штаб колхоза «Путь Ленина». Справа председатель правления Александр Дмитриевич Червяков.

У почты долгие пути...

ЗИМА, ДЕНЬ КОРОТКИЙ...

Фото Л. БОРОДУЛИНА и З. ГОЛУБЧИНА.

Про скупого говорят: «У него снега зимой не выпросишь...» Да где его, снег, нынче было взять, например, в ноябре у нас в Подмосковье? Или где-нибудь в Аткарске и дальше за Волгой, или... Уже который год зима у нас по-сиротски тепла, малоснежна и вообще НЕ ЗИМА... До самого новогодия ни тебе морозца ядреного, ни вкусного скрипа под ногой, ни перемётов на дорогах... И только русский север по-прежнему щедр на сугробы, на иней, на треск деревьев в морозном лесу. А какие песни выскрипывают широченные полозья редких розвальней! А как торжественны тракторные обозы, перетаскивающие заиндевевшую солому с поля к фермам! Словом, Дед Мороз живет себе, покрякивает да озорует на древних вятских землях — в Кировской области.

...Тишина в поселке Юбилейном. Высокие дымы стоят над осветленными недолгим солнышком улицами. В заснеженном мире звонкие голоса: белая баталия завершается штурмом ледяной крепости! Признаться, и не ребятишки вовсе разыгрались, а парни да девушки постарше, а с ними и взрослые — вон колхозный экономист Тамара Колчанова, а рядом партийный секретарь Иван Николаевич Крахмалев...

Хороши дни в канун новогодия! Да беда, зимний день короткий. А дел ничуть не меньше, чем весной или осенью. Потому что весна сейчас рождается — рождается на полях, где спит рожь под снегом, в колхозных мастерских, в контрольно-семенных лабораториях, в районных штабах, планирующих новые урожаи и надои.

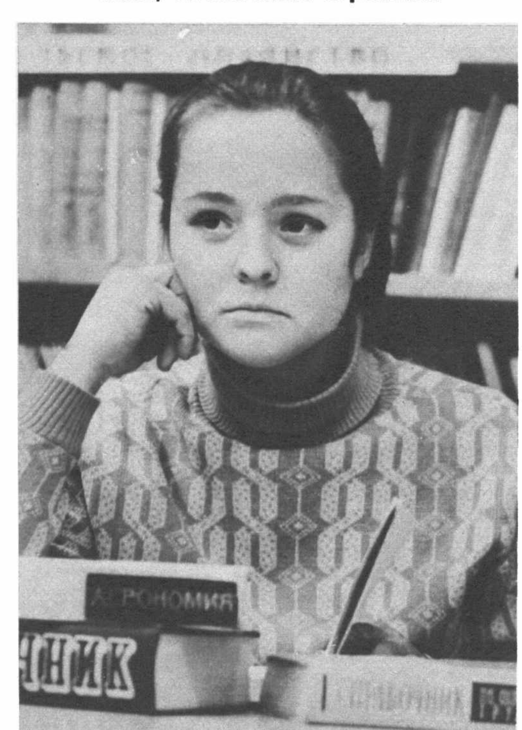
Быстро смеркалось. Взметнулись светлые столбы от фонарей и оживших окон на улицах Юбилейного, в новом клубе, в правлении колхоза «Путь Ленина», Котельнического района, Кировской области. Рабочий день короткий у декабрьского солнышка, но в деревне-то у людей он так же долог, как всегда. С тех самых пор, как подружился человек с высокими лесами, широкими полями, тихими реками. Всюду дело у человека. Даже зимой, когда леса стоят в снегах по пояс, когда до полей едва тракторы добираются, когда реки ждут избавления от ледяного намостья.

Снег, снег, снег!.. Снег по всей милой северной земле.

Б. НИКОЛАЕВ

Все думы о весне! Любовь Оськина, колхозный агроном.

Юбилейный — новый колхозный поселок в Кировской области.

Здесь делают весну!.. Будущие механизаторы в своей школьной мастерской.

Зимою временно в скворечниках живут... сороки.

Римантас БУДРИС

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

КАК МЫ НА

Бредем и бредем. С самого рассвета...

Не думаю, что Тракимасу легко было решиться сказать нам об этом.

Лось для него — святыня.

И вообще егерь Тракимас, уважительно прозванный Лесным Дяденькой, истово любит лес и его обитателей. Однако что следует, сам берет и другим взять помогает. Без ненужной жалости, без интеллигентских воздыханий.

Завоют февральские вьюги — и отправляется он бороться с белым голодом. Пригибает осинки — вот и пища лосям, косулям, зайцам. Кормушки у него всегда полны сена. И картошку для кабанов затаскивает он в такую глухомань, где никакой лошади не пройти. Оставит сани на просеке, закинет мешок на спину и, отдуваясь, пробивает грудью пушистый, иссиня-белый снег...

Иногда Лесной Дяденька хитрит. Бывало, очень уж подозрительно повезет какому-нибудь кабаньему семейству. Ходим, ходим за ним — и все впустую. Никак кабаны на выстрел не подпускают... Но мы не сердились на Тракимаса. Значит, не пришло еще время брать этих вепрей.

А тут Лесной Дяденька и говорит: «Надо бы несколько лосей побороть». Он никогда не скажет «отстрелять», «убить». Не по нутру ему такие слова. «Побороть» — другое дело. Тут вроде идешь ты на бой с лесным зверем, один на один выступаешь.

Лесник Калнайтис, большой друг охотников и сам отличный охотник, уже давно твердит, что подлесок не может прокормить столько лосей. Очень уж расплодились. Леснику-то что, он моложе Тракимаса. И относится ко всему проще. Ему легко так говорить. Да и своя у него точка зрения: лес ему дороже...

Только егерь тоже считал в соснячках обломанные, обглоданные деревца. Слишком их много... Нужны лоси... Только и сосны тоже нужны. Так и этак прикидывал Лесной Дяденька и с болью в душе понимал: слишком много...

Потому и бредем мы сегодня с самого рассвета по бесконечному лесу. Растянулись цепочкой, стараемся по-волчьи ступать след в след. Так легче. А того, кто пробивает тропу, идет впереди, все время меняем.

Снег по пояс. Тяжелый, мокрый. И ветер. Сырой, пронизывающий ветер. Он проникает под полушубки и ватники, леденит грудь, и всем телом ощущаешь промозглый холод серого, короткого дня.

Тонкоствольные осины бьют голыми ветвями. То там, то тут затрещит вдруг при сильном порыве ветра сухой сук и, обломившись, падает в снег. В лесу лишь ветер да стонущие деревья. Все живое попряталось: ни пичуги, ни зайчишки.

Только одни мы ковыляем по снегу. Молча, стараясь ступать в след идущего впереди, втянув головы в плечи, нахлобучив шапки. Тому, у кого ружье, приходится еще оберегать ствол, чтобы не набился туда снег.

Нет сил перекинуться с кем-нибудь словом, пошутить. Слышно только тяжелое дыхание, да порой сучок треснет.

Уже полдень. Такой же серый, тусклый, как и утро. А ветер все крепчает.

Зябко. Все промокли. Однако дело известное: лось не заяц. Пошел на сохатого — терпи. А случается, и встретишь, полюбуешься на него издали, и все...

Но сегодня мы уже сыты по горло. И ветром, и мокрым липучим снегом, и невезением.

Еще до света, когда кое-кто пробовал усомниться, стоит ли, дескать, именно сегодня приниматься за такое важное дело, лесник Калнайтис пообещал вывести нас прямо к лосиным отстоям. А Тракимас, авторитет среди охотников непререкаемый, все твердил:

— Поборем. Вот увидите, братки, поборем.

И машины заказаны — лосей в город везти. И лошади на кордоне приготовлены —

туши к дороге вытаскивать. Ответственная охота.

Опасно месить снег, когда не знаешь, что под ним. Совсем никудышная зима в этом году: навалила снега на теплую землю и все подсыпает да подсыпает. Тот наш товарищ, кто в этот момент торил впереди путь, влез в припорошенное снежком болотце. Вода выше голенищ. Рассыпаемся по сторонам, пытаемся нащупать местечко потверже — и все как один черпаем сапогами ржавую болотную жижу. Ноги схватывает цепенящий холод.

Отправились бы зайцев гонять, давно бы уж зубами скрипели да нечистого тишком поминали, стараясь подставить ветру спину. И ждали бы, пока кто-нибудь первым выскажется:

— Черти бы этих зайцев взяли...

Прекрасные были бы слова!

Остановились бы, сбились в кучку, посомневались, задымили, кто-то, может, предложил бы еще разок попробовать — шугнуть с другого конца, из самой чащобы... Но все, будто невзначай, свернули бы назад и ближним путем потянулись к кордону, к теплой избушке лесника...

А сегодня мужики словно остервенели. Пашем сырой снег, пыхтим, молчим.

В ельнике спокойнее, уютнее. Ветер гудит по вершинам, и мокрые липкие хлопья сквозь густые ветки не проникают. Можно перевести дух, вытряхнуть набившийся в голенища и за шиворот снег.

Лоси как сквозь землю провалились. Видать, и у них шкура насквозь промокла. Отстаиваются где-нибудь в глухой чащобе... Может, все-таки скажет Тракимас: самое, мол, правильное — ворочаться по своему следу обратно, пока не замело тропу...

Все сбились под старой могучей елью. Все двадцать пять — и охотники с ружьями и загонщики. Воет, свистит над нами мокрая пурга, однако сюда, под тяжело нависшие зеленые лапы, не забраться ей. Никто не решается начать. Пусть уж сам Лесной Дяденька решит, что нам лучше: поворачивать оглобли или продолжать это топтание по хилым лесочкам вокруг гнилых топей. Решит — домой, тогда и мы дружно согласимся, что охота не удалась, и без малейших угрызений совести двинемся назад по пробитой уже в снегу дорожке. И Калнайтис не станет возражать. Пусть только хоть словечко обронит Лесной Дяденька, главный наш спец по вопросам охоты, пусть только начнет.

— Надо побороть. Раз уж...

Вот те и на! Дождались... Снова, значит, барахтаться в снегу, полушубки-то и ватники хоть отжимай, полы тяжелые. Придется тащиться, пока ноги несут. Если Тракимас сказал, деваться некуда. Надо.

— Раз уж протопали столько... Не иначе, они в урочище, что возле Саманийской топи, отстаиваются, там потише.

Значит, будут... Тракимас считает, что лоси ушли туда. Может, и туда. Только ведь до непроходимой этой топи еще километра два с гаком, не меньше. Вот ведь беда какая...

В резиновых сапогах чавкает и чавкает вода. Они не промокли — через верх набралось. Шагаем, шагаем, шагаем. Размеренно, тяжело. Двадцать пять мужиков. Большая сила. Страшная своей решимостью. Надо добыть лосей. Пяток, тройку... На худой конец хотя бы годовалый бычок выскочил. Хотя бы одного уложить.

Снег ровный, однообразно белый. Уныло стонет голое, избиваемое ветром мелколесье. А высокие темные ели гудят протяжно, жалобно.

Товарищ, шагающий впереди меня, оступился, упал, поднимается. Я вздрагиваю, сбрасываю сонную одурь и снова отчетливо слышу завывание пурги, пока он не начинает двигаться, по-прежнему переваливаясь с ноги на ногу, и его спина не удаляется от меня в глухую, непостижимую белизну...

Лоси! Следы лосей. Где-то здесь, под темными елями, недавно бродили большие темные звери...

Наша длинно растянувшаяся цепочка замерла. Остановил нас голос Тракимаса. Он первый увидел свежие лосиные следы. Сонливость как рукой сняло. Однако никто из нас не решается подойти, посмотреть на следы своими глазами: впереди стоит товарищ, а сворачивать с тропы, лезть по целине — дудки!

Но постепенно мы приходим в себя. Подтягиваемся к голове цепочки. Сохатый где-то близко! Совсем недавно прошел... Чего доброго!..

Тракимас уходит по следу зверя и вскоре возвращается. До топи — рукой подать. Верно, лось туда и ушел. А может, перемахнул ее и уже за пять болотин отсюда... Но попробуем пугнуть. Может, выйдет...

О ч е н ь уж не хочется мне оказаться теперь тем, кто выстрелит и промахнется...

Тракимас что-то чертит палкой на снегу, объясняет загонщикам, откуда им заходить, куда гнать. По ветру, вдоль самого берега болота. Распределяет охотников на номера, кому куда становиться.

И снова бредем по пояс в снегу. Но когда знаешь свое место, знаешь, где тебе стоять, как-то легче.

Доплелся. Переводишь дух. Посматриваешь, где стоят соседи, оглядываешь свой сектор. Если лось пойдет через чащу, придется подождать, пока он появится в той вон прогалинке. Вставляешь патроны в оба дула, удобно берешь ложе ружья под мышку, чтобы в одно мгновение можно было вскинуть его к плечу.

А лося все нет.

Только откуда-то издалека доносится вдруг человеческий голос. Это оттуда, с болота. Еле слышно. Слабый, теряющийся в гуле пурги крик. Не поймешь, то ли на помощь зовут, то ли просто заплутал кто-то.

Теперь снег уже не удерживает нас, не выбираем, где кусты пореже да где земля под снегом потверже. Очертя голову мчимся на голос.

Прибегаем запыхавшись, пар так и валит от нас. Загонщики тоже собрались здесь, толкутся у самого болота и взволнованно показывают куда-то руками.

Среди трясины, обманчиво припорошенной снегом, в незамерзающем бочаге темнеет, как черная прорубь, небольшое окошко. А из черной воды торчит голова лося. Следы его кончаются у бочага, в истоптанной, глубокой грязи.

Так вот где он, наш лось. Едва ли выберется...

Странно и жутко видеть в черной болотной пучине, черноту которой контрастно оттеняет нетронутый снег, благородную, увенчанную широкими лопатами рогов, горбоносую, могучую морду зверя.

Собравшись с силами, лось до половины выпрыгивает из пузырящейся трясины, цепляется передними ногами за обманчивые белые берега, бьет их копытами и снова проваливается. Только того и добился, что окно черной воды стало больше.

Так легко теперь подойти к нему, выцелить местечко меж рогами. А потом всегда найдется способ вытащить его из бочага. Двадцать пять мужиков — сила.

Ну, Тракимас, командуй! И да не пропадут напрасно труды этого безнадежно тяжкого дня!

— Утонет зверь. Такой лось, братки!..

Это все, что сказал Лесной Дяденька.

Четверо самых отчаянных, кое-как пригнув березки и нарубив ножами ветвей, двинулись к лосю, осторожно прощупывая ногами укрытую рыхлым снегом хлюпающую трясину. Надо подсунуть сохатому да накидать на край бочага несколько охапок хвороста, глядишь, и выберется.

Но лось, хоть и тонет, боится человека. И защищается от него. Задыхаясь, мечется он в залитой черной водой ямине, вырывает передние ноги и из последних сил бьет острыми копытами, стараясь угодить в своих спасителей. Охотники хорошо знают силу лосиных ног. Достаточно одного удара, чтобы уложить человека замертво.

Нет, так его не вытащить.

Сняли мы ремни и с себя и от ружей отстегнули. Связали вместе, сложили вдвое, петлю на конце сделали. Доброе ременное лассо получилось. Ну, кто смелый? У кого рука легкая да меткая? Что долго разговаривать! Вызвался один. Пошел. Бросил... Еще раз... Ох, и рискованно подходить так близко... Еще бросил. Петля захлестнула рога. Ну, ребята, давай!

Лось поднялся над топью, ударил ногами, дернул головой. Мы так и рухнули в снег. Не выдержало наше «лассо», лопнуло, хоть и двойное было.

А болото мы уже основательно перемесили: от бочага до берега через всю трясину протоптана широкая темная тропа. Снова черпаем голенищами холодную жижу. Измотались до края. На одном азарте держимся — мы да не вытащим!

Ни споров, ни долгих рассуждений. И зачем тянем мы сохатого из болота?

Пурга не стихает. Снежные хлопья роями падают в черную пучину бочага и исчезают бесследно, коснувшись воды.

Все глубже затягивает нашего лося. Он уже недвижим. Только в темных его глазах теплится еще живой огонек. Скоро и его погасит болотная жижа.

Пригнули березу, остервенело кромсаем, режем ее своими ножами, сменяя друг друга. Не кустарничек какой — основательное дерево. С раздвоенной вершиной, длинным стволом. Срезали, наконец, стягиваем ремнями обе верхушки. Получается петля, не петля, настоящий хомут.

Тракимас сам подбирается к лосю. Или понял что-то зверь, только уже не бьется, не шевелится даже. Лесной Дяденька потихоньку надевает ему на шею березовый хомут.

Ствол оказался коротковат, всем за него не ухватиться. Вяжем ремни. Кто за ствол тянет, кто за ремни. Двадцать пять мужиков, аж губы закусившие от напряжения и упрямства. Упорно тянем, дружно, зло. Ружья на берегу, к березкам прислоненные, к елочкам...

Повел лось рогами. Ох, до чего же радостно на душе, когда вырываешь из вязкой грязи такую махину и она подается!

Все. Вытащили, выволокли. Перемазанные все — кто по пояс, кто по плечи, а у кого и на шапках лепехи грязи и на лбу.

Осторожно перерезаем ремни, стягивающие березовый хомут. Свободен наш сохатый. Лежит на болотине, тяжело дышит. И мы не можем сразу прийти в себя. Уважительно расступаемся — как бы не вздумал достать кого копытом...

Разбираем ружья. Лось встает, отряхивается. И уходит. Мимо нас — в ельник. Остаются лишь глубокие ямы его следов, забрызганные грязью. Скоро и их занесет снегом. Только в заснеженной трясине долго еще будет чернеть широкое, с рваными краями окно.

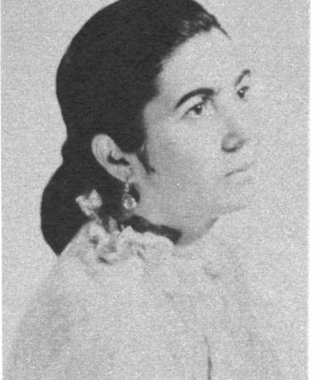
Серый, неверный свет дня идет на убыль. Вечереет. Ночь будет непроглядно темной. Где ж, Тракимас, тот лось, которого должны мы «побороть»?

А до кордона еще так далеко... Идем по тяжелому мокрому снегу. Против вьюжного ветра...

Перевели с литовского
Б. Залесская и Г. Герасимов.

ЛОСЯ ХОДИЛИ

ЗА ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ!

Фазу **АЛИЕВА**

ИЗ КНИГИ ТОСТОВ

Может быть, многие из вас сами побывали на горских свадьбах. Сами танцевали задорную лезгинку, пробовали горские блюда, пили вино из бычьих рогов, слушали, как состязаются люди за столом в остроумии и мудрости, произнося тосты.

Тосты бывают разные, сила их в краткости и ясности. Поэтому сразу же, поднимая первый бокал, тамада начинает почти всегда со слов: «Как говорят в горах, речь лучше короткая, а веревка длинная». Этим он дает понять всем, что надо говорить кратко и мудро.

Годами собирала я в свои сердечные хурджины услышанное мною в застолье. Я писала тост за тостом и чувствовала, будто я за гостеприимным горским столом.

Дорогой читатель! Каждый мой тост за вас. Будьте здоровы! Мне хочется, чтобы и вы почувствовали себя среди горского веселья, и выпили рог, полный вина, и пожелали людям всего того, что горские мудрецы желают вам.

* * *

Вступая в должность тамады
За этим свадебным столом,
Я пью за то, чтобы ваш дом
Был славен миром и трудом.

За счастье и веселье в нем
Наполнен мой бокал вином.
Оно — как сок земли,
Оно —
Как солнце.
В нем растворено
Чудотворящее зерно
Преображения.

Старик,
Испив его,
Пусть в тот же миг
Предстанет юным среди нас.
А тот, кто молод в этот час,
Пусть будет мудр, как аксакал.

Для славных девушек
Бокал
Вот этой влаги золотой
Пусть обернется красотой.

ЧТО ТАКОЕ «ЭЧЛ»

Алексей Николаевич Плотников (справа) и мастер участка Андрей Алексеевич Горшков на контрольно-испытательной станции.

ПЯТИЛЕТКА, ГОД ПЕРВЫЙ

Нашим проводником по Ленинградскому электрочасовому заводу был очень интересный человек.

— Завод для меня, что дом родной,— так начал свой рассказ настройщик станков Алексей Николаевич Плотников.— Здесь в коллективе я чувствую себя необходимым. Внимание рабочих людей почувствовал с первых своих ученических дней, когда пришел в цех с направлением биржи труда. Старшие товарищи делали все, чтобы научить меня слесарному делу: послали в фабзауч, ветераны не утаивали от меня своих секретов. Это было в начале двадцать седьмого года. У завода тогда был иной профиль, и назывался он по-другому — «Гидравлика».

В первую военную блокадную зиму доброволец Плотников лежал у пулеметного гнезда в окопах под Пулковом. Впереди простым глазом видны фашисты; позади, тоже простым глазом, видны родной город, родной завод. Держались крепко, били гитлеровцев как следует, не давали им покоя. Враг засек пулеметный расчет и накрыл его миной. Четыре года пролежал, страдая от неимоверных болей, Плотников. Девять сложных операций перенес. Врачи считали, что состояние его в общем-то безнадежное. Думали, всего лет пять, ну, может, чуть больше протянет. Но вопре-

Мужчинам — пусть добавит воли
И быть отважными велит.
Пускай вино все ваши боли
И все недуги исцелит.
А коль в душе у вас усталость,
То хватит и глотка вина,
Чтоб снять усталость,
Чтоб она
Воспоминаньем лишь осталась.

А коль у вас на сердце зло,—
Пусть вас глоток вина согреет,
И станет на душе тепло,
И сердце ваше подобреет.
А если в вас любовь пока
Лишь робкой искрой зажжена,—
Глоток кипучего вина —
И вспыхнет пламенем она.

Но, кажется, пора и мне
Знать честь:
Разговорился очень.
Веревку ценят по длине,
А речь — тем лучше, чем короче.

Пора и выпить.
В добрый час!
За всех друзей!
За всех за вас!

* * *

Счастливый путь, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.

Где б ни сошел с коня ты,—
Не забудь
Откуда начинал
Свой долгий путь.

Тебе протянет руку новый друг.
Но никогда не забывай тех рук,
Что скануна седлали твоего
И хлеб в твои хурджины положили,
Водой поили, преданно служили,
Не попросив в отдачу ничего.

Рисунки И. УШАКОВА.

* * *

Еще, сынок, хочу сказать тебе,
Чтоб дорожил заслуженною славой.
Она в труде дается и в борьбе,
А потерять ее нетрудно, право.

Коль ты река, то слава — с пеной схожа,
Недолговечной, хоть и молодой.
Один набег волны неосторожной —
И пены нет. Лишь брызги над водой.

* * *

Пусть камень не завидует скале:
Он нам нужней скалы в любую пору.
Скала пусть не завидует горе:
На скалы не ступив, не выйдешь в гору.

А горы, прямо в облака врезаясь,
Пусть небу не завидуют:
Оно,
Как люди говорят,
Уже давно
Само к земле испытывает зависть.

* * *

Пью за здоровье ваше, молодежь!
За солидарность! Нет ее прекрасней.
За чувство локтя в будни или в праздник,
За дружбу, что водой не разольешь.

Упавшие на землю в непогоду,
Как одиноко яблоки гниют!
От речки оторвавшуюся воду
Иссушит солнце в несколько минут.

А для единства не страшны болезни,
И тяжесть бед и долгий груз веков.
Острей единства нет на свете лезвий,
Ни сабель, ни кинжалов, ни клинков.

Оно взрывает горные породы,
Успех несет в работе и в бою,
В единстве — сила каждого народа.
Равняйте на него судьбу свою.

Перевел с аварского
Владимир Туркин.

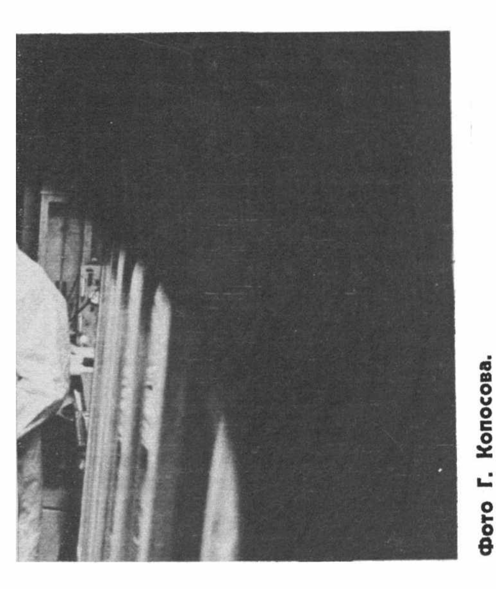

Фото Г. Копосова.

ки авторитетным прогнозам Плотников выстоял. С трудом, на костылях, добрался он до родного завода. Старые друзья, с которыми работал еще до войны, тепло встретили героя. Завод теперь решал иные, более сложные задачи, осваивал выпуск точнейших приборов. В цехе удивлялись: откуда у Алексея Николаевича столько сил берется? Видели, нелегко ему приходится, но он не сдается. Не только сам справляется с заданиями, а еще и молодежь учит мастерству. Весь коллектив был рад, когда за успехи в седьмой пятилетке их Маресьева наградили медалью «За трудовую доблесть». А теперь, незадолго до того, как мы пришли в цех, Плотников досрочно выполнил задание первого года девятой пятилетки.

— Вот оно, то самое плато, которое мы делаем,— показывает нам деталь Алексей Николаевич.— На это плато и монтируется часовой механизм. Мы единственные в стране поставщики первичных электрических часов точного времени. Видели, на их циферблате стоят три буквы — «ЭЧЛ»? Это значит, что часы сделаны на electrочасовом ленинградском.

На заводской контрольно-испытательной станции, куда нас проводил А. Н. Плотников, проверяют, тренируют и отлаживают сразу несколько сотен часов. Внешне они похожи на самые обычные стенные, маятниковые. А на самом деле — ничего общего, устройство у первичных совсем иное. Здесь нет пружины, есть маятник в качестве регулятора, электромагнит, а командует всем электроника. Заводить эти часы не нужно. Стоит только качнуть маятник, и они будут ходить без завода до полного износа механизма.

На станции слышится разнобойное тиканье. Несколько дней идет тренировка механизма, до тех пор, пока ход часов не станет точнейшим. Причем на контрольной станции созданы точно такие же условия, в каких предстоит потом работать этим точным приборам: влажность, температура, тишина, вибрация. Одни такие часы, установленные на заводе или в учебном заведении, смогут обеспечивать ход сразу шестидесяти вторичных часов. Но и это не предел. Если установить промежуточные реле, то импульсы точного времени могут поступать от них к ста восьмидесяти или даже к нескольким тысячам «подчиненных» часов.

По «ЭЧЛ» сталевары плавят сталь в мартенах, на хлебозаводах пекари наблюдают за технологией выпечки хлеба. Первичные электрические, установленные в главном здании Пулковской обсерватории, посылают сигналы точного времени в павильоны, откуда астрономы наблюдают за небесными светилами. Ни одна диспетчерская аэропорта, метрополитена, завода, шахты, атомной станции не обходится без первичных часов с маркой «ЭЧЛ», по их же сигналам автоматически отключаются и включаются энергоагрегаты. Завод выполняет заказы и на уникальные башенные часы. Три фирменные буквы стоят и на хронографах, работающих с точностью до одной десятитысячной доли секунды, и на манометрах, измеряющих кровяное давление... Но, конечно, именно первичные электрические часы — основная продукция завода. Здесь из пятилетки в пятилетку совершенствуют их конструкцию. В нынешнем пятилетии начнется серийный выпуск новых первичных: деревянный корпус заменят пластмассовым. По размеру часы будут вдвое меньше, чем теперь, станет совершеннее их механизм.

— Завод наш небольшой,— продолжает свой рассказ Алексей Николаевич Плотников,— а по сравнению с «Уралмашем» или «Ростсельмашем» просто малыш. Но, как говорят, мал золотник, да дорог. Мы свой завод любим. Куда бы ни поехал, всюду видишь результат своей работы. Это ведь наши часы отсчитывают время для всех, кто ныне соревнуется за досрочное выполнение планов девятой пятилетки. И, знаете, мы очень радуемся тому, что даже точнейшее время советские люди научились обгонять! Вот, скажем, наш «ЭЧЛ» на целых пять суток, а иначе говоря, на 120 часов раньше срока справился с заданием первого года девятой пятилетки.

К. ЧЕРЕВКОВ

Художники-передвижники. В 1-м ряду (сидят слева направо): С. Н. Аммосов, А. А. Киселев, Н. В. Неврев, В. Е. Маковский, А. Д. Литовченко, И. М. Прянишников, К. В. Лемох, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, Ивачев (служащий в управлении Товарищества), Н. Е. Маковский. Во 2-м ряду (стоят слева направо): Г. Г. Мясоедов, К. А. Савицкий, В. Д. Поленов, Е. Е. Волков, В. И. Суриков, И. И. Шишкин, Н. А. Ярошенко, П. А. Брюллов, А. К. Беггров.

СЛАВНОЕ СТОЛЕТИЕ

Е. ВУЧЕТИЧ,
вице-президент Академии художеств СССР

Сто лет тому назад, в декабре 1871 года, свершилось событие на первый взгляд как будто чуть ли не частного порядка и характера — открылась первая выставка Товарищества передвижных художественных выставок. Она привлекла интерес зрителей очень незначительный в масштабах тогдашней России, вызвала оживленные споры лишь в среде художников и литераторов, но явилась событием огромнейшего значения в истории развития русского и мирового искусства.

Эта выставка утвердила дальнейший взлет русской реалистической школы в изобразительном искусстве, укрепив на последующее время позиции реализма в изобразительном искусстве всего мира. Значение этого события вышло далеко за пределы национальных границ.

Первым значение этого события оценил и понял великий русский писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Он писал в декабрьской книжке «Отечественных записок»: «Отныне произведения русского искусства, доселе замкнутые в одном Петербурге, в стенах Академии художеств, или погребенные в галереях и музеях частных лиц, сделаются доступными для всех обывателей Российской империи вообще. Искусство перестает быть секретом, перестает отличать званых от незваных, всех призывает и за всеми признает право судить о совершенных им подвигах...

Полагая начало эстетическому воспитанию обывателей, художники достигнут хороших результатов не только для аборигенов Чухломского, Наровчатского, Тетюшского и других уездов, но и для самих себя. Сердца обывателей смягчатся — это первый и самый главный результат...»

Передвижные выставки начали свое шествие по стране, переезжая из Петербурга в Москву, из Москвы в Киев, Харьков, Одессу, Варшаву, Саратов, Нижний Новгород, Астрахань, Тифлис, Курск, Тулу и во многие другие города...

«...Перед вами широкая, бесконечно раскинувшаяся Волга, словно млеющая и заснувшая под палящим июльским солнцем. Где-то вдали мелькает дымящийся пароход, ближе золотится тихо надувающийся парус бедного суденышка, а впереди, тяжело ступая по мокрым отмелям и отпечатывая следы своих лаптей на сыром песке, идет ватага бурлаков. Запрягшись в свои лямки и натягивая постромки длинной бечевы, идут в шаг эти одиннадцать человек, живая машина возовая, наклонив тела вперед и в такт раскачиваясь внутри своего хомута. Что за покорное стадо, что за кроткая бессознательная сила, и тут же — что за бедность, что за нищета. Нет ни одной цельной рубахи на этих пожженных солнцем плечах, ни одной цельной шапки и картуза — всюду дыры и лохмотья, всюду онучи и тряпье.

Но не для того, чтобы разжалобить и вырвать гражданские вздохи, писал свою картину г. Репин: его поразили виденные типы и характеры, в нем жива была потребность нарисовать далекую, безвестную русскую жизнь, и он сделал из своей картины такую сцену, для которой ровню сыщешь разве только в глубочайших созданиях Гоголя».

Стасов писал эти восторженные строки о репинских «Бурлаках» после Передвижной выставки 1878 года, где зрители впервые увидели этот незабываемый холст. То была уже пора признания передвижников, их выставки давно стали культурными событиями России.

Значение их выставок можно оценить, представив, что тогда собой являла Россия. Минуло только десять лет с отмены крепостного права. Исчерпала себя первая революционная ситуация в стране, которая, по определению В. И. Ленина, падала на конец 50-х и начало 60-х годов и закончилась уничтожением крепостничества. Но в самой реформе таились ростки и истоки нового революционного подъема, который начался в 70-х годах, достигнув своей кульминации в 80-х годах.

Россия пробуждалась...

К общественной, политической жизни потянулись народные массы. Народ требовал ответа на многие вопросы, которые ставила жизнь. И те, кому были близки и понятны интересы народа, не могли оставаться глухими к этим вопросам.

Известно, что революционный подъем всегда сопровождается оживлением общественной мысли, вызывает прилив новых сил во все ее сферы и направления: в философию, историю, литературу, искусство всех видов и жанров. Рушились религиозно-патриархальные устои в мировоззрении народа, складывались новые идеалы, новое понимание жизни. Художники слова, композиторы, живописцы не могли пройти мимо этих процессов.

Мирового звучания достигли тогда литература и музыка — в творчестве Толстого, Достоевского, Некрасова, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова...

Но если говорить о русской национальной живописи, то надо признать, что она значительно отставала в первой половине XIX века от развития демократической мысли, демократических тенденций в литературе.

Никто не мог предопределить, откуда начнется... Началось с печатного слова и проникло далее во все сферы духовной жизни.

Однако было бы ошибочным полагать, что до 1871 года, до открытия первой выставки Товарищества передвижников, до организационного оформления «могучей кучки» талантов в изобразительном искусстве, русская национальная живопись была безжизненной пустыней.

В первой половине XIX века выдвинулось несколько великих имен в русском искусстве: Брюллов, Кипренский, Иванов, Федотов... Они создали целый ряд полотен, составляющих гордость русской живописной школы.

Петербургская Академия художеств долгое время оставалась законодательным центром изобразительного искусства всей России. Без признания Совета Академии, без его поддержки и одобрения ни один русский художник не мог выйти в люди. Художнику не на что было бы существовать, его картины не могли бы попасть ни на одну выставку. Совет Академии в те годы полностью контролировался и направлялся царским двором. Вместе с тем Петербургская Академия не являла собой монолитного бастиона официозности в искусстве. В ее стенах

И. Шишкин. 1832—1898. РОЖЬ. 1878.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Перов. 1833—1882. ОХОТНИКИ НА ПРИВАЛЕ. 1871.

Г. Мясоедов. 1835—1911. ЗЕМСТВО ОБЕДАЕТ. 1872.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Прянишников. 1840—1894. ПОРОЖНЯКИ. 1872.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Крамской. 1837—1887. ПОЛЕСОВЩИК. 1874.

И. Репин. 1844—1930. БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ. 1870—1873.

Государственный Русский музей. Ленинград.

В. Васнецов. 1848—1926. БАЯН. 1910.

Государственный Русский музей. Ленинград.

Н. Ге. 1831—1894. ПЕТР I ДОПРАШИВАЕТ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА В ПЕТЕРГОФЕ. 1871.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Суриков. 1848—1916. ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА (фрагмент). 1891.

Государственный Русский музей

В. Поленов. 1844—1927. БОЛЬНАЯ. 1886.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Маковский. 1846—1920. КРАХ БАНКА. 1881.

учились талантливые люди — талант не мог отгородиться от жизни глухими стенами академизма.

Церковная и салонная живопись, основанная на традициях классицизма, когда-то, в начале века, сыгравшего положительную роль в развитии русской живописи, к 50—60-м годам зашла в тупик, переживала полный распад. Обнаженные нимфы, Сусанны, Венеры, виды Швейцарии, Карлсбада, Ниццы никого уже не волновали и не находили покупателей даже в купеческой среде. Упало мастерство. Понятие профессионализма превратилось в профанацию. Академическое искусство умирало.

В конце 50—60-х годов Совет Академии художеств вынужден был поощрять художников, отошедших от официозности. Так впервые получил в Академии признание «бытовой жанр». В 1859 году были присуждены большие серебряные медали за жанровые картины воспитанникам Академии — В. И. Якоби, М. И. Пескову, Г. Г. Мясоедову... Дошло дело даже до того, что Совет Академии художеств утвердил к исполнению эскизы картин В. Г. Перова «Проповедь на селе» и В. И. Якоби «Привал арестантов».

...В 1863 году группа молодых художников обратилась с прошением в Совет Академии «о дозволении свободно выбирать сюжеты тем, которые сего пожелают, помимо заданной темы». Прошение вызвало негодование. 11 октября 1863 года Совет Академии ответил отказом на прошение. Реалистическое отображение жизни пореформенной России страшило царский двор. Совет Академии задал конкурентам на большую золотую медаль сюжеты: по живописи исторической — из скандинавской мифологии «Пир в Валгалле» и по жанру — «Освобождение крестьян», с обязательным условием изобразить их благодарность царской реформе.

9 мая 1863 года четырнадцать конкурентов-художников во главе с Иваном Николаевичем Крамским на официальном заседании Совета Академии подали прошение об отказе от конкурса и объявили о выходе из Академии. Они тут же были отданы под негласный надзор полиции.

Иван Николаевич Крамской писал позднее: «Мы убеждены, вместе с другими, в настоятельной надобности принять меры к тому, чтобы искусство заняло принадлежащее ему место; мы убеждены, что искусство в своем истинном смысле должно быть истолкователем скрытого смысла в реальных предметах, с которыми оно имеет дело; мы убеждены вообще, наконец, в развивающей способности искусства».

Борьба за реалистическое искусство обрела острые формы.

В конце 60-х годов президентом Академии художеств становится великий князь Владимир Александрович. Дворцовые круги пытались остановить развитие реалистического искусства. Всеми мерами в эти годы душились революционные идеи. Но новый революционный подъем в стране нарастал, и не было силы, которая могла бы изменить поступательный ход истории.

Официозному руководству Академии противостояли уже немалые силы. Выдающаяся роль в формировании нового направления принадлежала В. Г. Перову. Его творчество разорвало академическую рутину. Он коснулся таких пластов народной жизни, которые не могли не прозвучать как открытие. Художник становился летописцем эпохи.

Василий Григорьевич Перов блестяще окончил Петербургскую Академию художеств. Он получил право на командировку за границу, но чужая земля не вдохновила его таланта. Художник обратился с довольно вызывающим по тому времени письмом в Совет Петербургской Академии художеств: «Осмеливаюсь покорнейше просить о позволении мне возвратиться в октябре 1864 года в Россию. Причины, побуждающие меня просить об этом, я постараюсь здесь представить: живя за границею почти два года, я, несмотря на все мое желание, не мог исполнить ни одной картины, которая была бы удовлетворительна,— незнание характера и нравственной жизни народа делают невозможным довести до конца ни одной из моих работ... посвятить же себя в течение нескольких лет на изучение страны чужой я нахожу менее полезным, чем по возможности изучить и разработать бесчисленное богатство сюжетов как в городской, так и в сельской жизни нашего отечества. Имею в виду несколько сюжетов из русской жизни, которые я бы исполнил с любовью и сочувствием и, надеюсь, более успешно, чем из жизни народа, мне мало знакомого».

Очень часто при оценке творчества В. Г. Перова мы слышали слова «жанровый живописец». Он действительно был мастером жанровой живописи, но это нисколько не снижает значения его творчества.

Ведь до сих пор у нас бытует некое пренебрежительное отношение к «жанровой» живописи. Однако полотна Перова полны истинного драматизма, высокого общественного звучания, и все это облечено в совершенную пластическую форму.

Возможность прикосновения к народной драме влекла к творчеству Перова новое поколение художников. Перов стал как бы провозвестником оформлявшегося в конце 60-х годов движения, которое и завершилось открытием выставки Товарищества передвижных художественных выставок. Не случайно в числе других художников учредителем Товарищества был и В. Г. Перов. Вместе с Крамским и Перовым в число учредителей вошли самые талантливые художники пореформенной России: Н. Н. Ге, Г. Г. Мясоедов, В. И. Якоби, М. К. Клодт, М. П. Клодт, К. Е. Маковский, Н. Е. Маковский, К. В. Лемох, А. И. Корзухин, И. И. Шишкин, А. К. Саврасов, И. М. Прянишников, Л. Л. Каменев.

За учредителями Товарищества и его участниками утвердилось со временем название «передвижников».

И им, передвижникам, принадлежит поистине великая честь сделать главным содержанием художественного произведения живописи, скульптуры — современность. Это их заслуга, их исторический подвиг! Вынося в своих картинах, говоря словами Н. Г. Чернышевского, «приговор явлениям действительности», передвижники подняли бытовой жанр до уровня глубоко социального, исторического разговора о жизни народа. И все их стремления и открытия в области поисков новой формы исходили отсюда — от желания сказать о жизни как можно более значимую, понятную и близкую народу правду. «Жанровая живопись» с приходом передвижников вышла в первые ряды пропагандистов передовых демократических идей эпохи.

Не было манифестов, объявлений о рождении нового направления в искусстве, на что так щедры стали впоследствии изобретатели различных «измов». Великое рождалось в тишине. Мы могли бы остановить особое внимание на скромности, с которой Товарищество утверждало свое кредо в искусстве. В его уставе говорилось: «На выставки Товарищества принимаются произведения всевозможных жанров при условии, чтобы эти произведения представляли собой не простое упражнение в живописи, а работу художника, то есть заключали в себе... явную попытку передать рассказ, выражение чувств, настроение, поэтический момент — словом, чтобы произведение не было лишено художественной задачи или замысла... Головы и портреты, помимо хорошего исполнения, должны быть типичны и делать интересным изображение».

Творческое мировоззрение, творческая философия передвижников брали свое начало в русской революционной демократической мысли. Рождению реализма в живописи предшествовало его обоснование в русской критической мысли. У его колыбели стояли А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский. Н. Г. Чернышевский дал ему блестящее философское истолкование в своей работе «Эстетические отношения искусства к действительности». Нет особой нужды напоминать здесь основные положения этой работы. Хотелось бы отметить лишь одно: Н. Г. Чернышевский подводил художников к задаче отображения жизни в искусстве, требуя от художника совершенного ее знания, умения стоять за правду жизни, умения найти прекрасное во всех ее проявлениях. Только реальная действительность, по его мнению, могла быть предметом интереса для таланта, а не «приятные для фантазии гипотезы».

Развивая учение Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбов писал, обращаясь к либеральной интеллигенции, к читающей публике: «Коренная Россия не в нас с вами заключается, господа умники. Мы можем держаться только потому, что под нами есть твердая почва — настоящий русский народ; а сами по себе мы составляем совершенно неприметную частичку великого русского народа».

Мы не случайно упомянули, что Добролюбов обращался к читающей публике. Он точно осознавал, что печатное слово в России тех лет доступно немногим. Он прямо говорил: «Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже он и грамоте выучится: он должен заботиться о том, как бы дать средства полмиллиону читающего люду прокормить себя и еще тысяче людей, которые пишут для удовольствия читающих».

В декабре 1871 года революционная мысль получила огромное подспорье для распространения своих идей. Началось шествие по стране картин передвижников, которые в самой ясной и доступной форме рассказывали народу о народе, о его жизни, горе, счастье, о его величественной красоте, о его силе.

Рождалось великое искусство таких мастеров, как И. Е. Репин, В. И. Суриков, И. И. Левитан...

Новое направление в искусстве не могло не породить друзей и врагов. Передвижники нашли своего наставника в лице выдающегося публициста В. В. Стасова, который целиком встал на их сторону. Но уже и тогда раздавались голоса противников реализма, осознавших, какую он таит опасность для правящих классов.

Оценивая значение передвижников, В. В. Стасов писал: «Им обязано своим началом истинное русское искусство, и период их по всей справедливости должен называться **национальным и периодом свободных художников».**

А вот что писали иные критики: всякое художественное произведение, говорят, воссоздает действительность, действительный мир, действительную жизнь... Положим, так. Но какую действительную жизнь? Ту ли, какая на самом деле есть, или ту, какая нам представляется?..

Сто лет тому назад... А голоса-то знакомые. И сегодня те, кто пытается противопоставить реализму всякого рода формалистические течения, апеллируют не к объективной реальности мира, а к субъективному моему восприятию, лишь в субъективном этом восприятии усматривая возможности познания. А на деле все это лишь старый и обветшалый идеализм, как бы его ни прикрывали новой покраской.

Еще и сегодня вдруг раздастся голос какого-нибудь невежды, пытающегося низвести творчество передвижников к «грубо материальным требованиям» в искусстве, позабыв, что почти так же их оценивали сто лет тому назад. Обнаруживаются и попытки обозначить творчество передвижников — разнообразное, удивительно широкое, всего лишь как жанровую живопись, чуть ли не как «фельетон» в живописи...

Я хотел здесь напомнить читателям, с чего русская реалистическая живопись начиналась, с чего она пошла, низко склонив голову перед великими и мужественными предшественниками советского искусства.

Первая выставка Товарищества передвижных художественных выставок была великим зачином, давшим в своем развитии целую плеяду великолепных мастеров, создавших множество шедевров искусства, составляющих гордость русской реалистической школы, и утвердивших роль русской живописи в мировом искусстве.

Ленин высоко ценил гражданственную лиру передвижников.

После Октябрьской революции В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что новое общество, новую культуру невозможно построить без усвоения культурных достижений прошлого. И первыми народными художниками Советской республики стали Касаткин, Поленов, Архипов — многолетние члены Товарищества передвижных художественных выставок. Этим торжественным актом Советское государство признало великую роль передвижников в становлении русской культуры, в воспитании чувства высокой гражданственности, честности, служения народу, Родине в широчайших массах.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

И ЕЩЕ ОДИН ГОД

Мария Борисовна Игнатьева и Константин Иванович Горелов.
Фото И. Тункеля.

Без малого полвека назад они в первый раз встретили вместе Новый год.

Ночь в Москве была светлой и морозной. Студенческая бесшабашная компания долго гуляла по снежным улицам. Пели «Наш паровоз, вперед лети...» и «Как родная меня мать провожала...». Толкали друг друга в сугробы снега. Словом, веселились вовсю. Худенькая Маша Игнатьева, похожая больше на школьницу, чем на студентку, да еще дипломницу, почему-то всему удивлялась в ту ночь, хватала за руку степенно вышагивающего Костю Горелова: «Нет, ты только взгляни, какая сегодня луна! Я никогда такой не видала...»

Костя соглашался, что луна действительно сегодня необыкновенная. Но на луну не смотрел. Смотрел на Машу. Говорил баском, нарочно грубовато, чтоб другие чего не подумали: «Ты бы лучше горло закутала... Мороз...»

В студеном радужном круге плыла над крышами обыкновенная одинокая луна.

Они уж тогда решили, что не могут не быть вместе.

Наступал 1925 год, последний студенческий, первый трудовой.

В мир зоотехнический случайные люди приходят редко. А если и приходят, то мало от них толку, и следа они не оставляют. Здесь нужны особые человеческие качества и, пожалуй, главные — терпение и чуткость. Дело ведь имеешь с живой жизнью, бессловесной, которую надо понять.

В голодное время начала двадцатых годов, колеся в теплушке по разным местам, оказалась наконец учительская семья Игнатьевых в приволжском селе Усолье, Симбирской губернии. В бывшем помещичьем имении был теперь совхоз. При совхозе — сельскохозяйственный техникум. Отец стал преподавать в техникуме ботанику, мать — русский язык. Маша в техникуме училась.

В засушливый, страшный 1921 год едва не погибло в совхозе все поголовье. Оно бы погибло, если б не ребята и девушки из техникума. Каждый взял на себя заботу об одном из животных. Это называлось шефством. Маша взялась спасать Казбека. Крупный конь едва передвигал ноги. Маша, по правде сказать, тоже. Но она еще могла ходить за ветками, которые потом мелко рубила. Она, не доев, прятала каждую крошку, каждую корочку хлеба и несла их Казбеку. Конь выжил, дождался весны.

Пожалуй, уместным было бы эту историю поместить в порядке вступления к многочисленным, созданным впоследствии научным трудам ученого-зоотехника М. Б. Игнатьевой.

Костя Горелов, сын паровозного машиниста, мальчишкой хлебнул горюшка вдосталь. Отец, душа многих забастовок и вооруженного восстания рабочих депо в 1905 году, отбывал двадцатилетний каторжный срок в ташкентской тюрьме. Заковали в кандалы. Мать с сыном поехала за ним. Поселились в Самарканде — все-таки поближе. Мальчишка рос сам по себе. Черный от солнца, поджарый, жилистый, отчаянно дрался с байскими сынками. Выгоняли из приходской школы, из гимназии. Про него говорили: каторжанин, отпетый. И верно, был зол на весь мир. И мир был к нему зол. Может, только и был кто добр к нему, так это лошади. Диковатые красавцы, от которых он не отходил в базарные дни, спокойно подпускали к себе мальчишку. Он садился верхом, показывал покупателям ход коня на шагу и на галопе. Хозяева кидали мелочь. Этим кормился.

Учиться, учиться... Революция позвала молодых граждан Советской страны к знаниям. Маша Игнатьева и Константин Горелов избрали Московский зоотехнический институт. Здесь и встретились.

Замечательные педагоги учили их. Павел Николаевич Кулешов, Николай Александрович Юрасов, Владимир Оскарович Витт, Ефим Федотович Лискун. Что ни имя — целая глава в истории русской и советской зоотехники.

Они и студентов воспитывали по своему образу и подобию. Молодые супруги, зоотехники отлично защитили дипломы. Могли выбирать назначения на работу. Марию Игнатьеву оставляли на кафедре, прочили в аспирантуру. Константин Горелов получил лестное предложение ехать ни много ни мало в знаменитый конный завод «Восход», быть там начальником конной части, что применительно к промышленности — главный инженер крупного предприятия.

Отказались от того и от другого. Отправились в знойные туркменские края. Там обитала древнейшая в мире порода лошадей неописуемой красоты — ахалтекинцы. Могла она выродиться, исчезнуть с лица земли. Надо было изучить поголовье, найти лучших производителей, наладить селекционную работу.

Месяцами не слезал с седла молодой зоотехник. С проводником и помощником-парнишкой кочевали от селения к селению. Секли их порой песчаные бури, душил зной бесконечной пустыни Каракум.

Терпеливо ждала Мария редких наездов мужа. Она стала матерью, жила в селении Киши, неподалеку от Ашхабада, и нянчила новорожденную дочку — Веру. Здесь был небольшой, первый в республике конный завод.

Константин приезжал на несколько часов. Привязывал усталого коня, отдавал жене наспех набросанные в походный блокнот записи. Уезжал. Мария заметки расшифровывала, приводила в систему. Так рождалась монография. Научный труд, в котором, кроме всего прочего, была намечена программа возрождения и развития уникальной породы в ее чистоте. Монография вышла в свет. Профессор П. Н. Кулешов отнес ее к числу основополагающих в иппологической науке. Труд отличался редким научным предвидением, не говоря о практическом его значении. Прошли годы, и на весь современный мир стал знаменит представитель древней ахалтекинской породы грациозный Абсент. Это на нем наш конник Сергей Филатов оказался первым в чемпионате мира по выездке в Швейцарии и на Олимпийских играх в Риме.

Таким было начало. Затем чета зоотехников переехала на Украину, на работу в один из крупнейших в стране, Стрелецкий, конный завод. Только что перед тем был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт ко-

неводства. В «Стрельцовке» была организована опытная станция этого института. Здесь стала работать научным сотрудником Мария Игнатьева. Константин Горелов принял руководство конной частью завода. Наука и практика, соединенные в одной семье, жили в полном согласии. «Попробовал бы муж возразить против моих опытов!» — шутит Мария Борисовна. Молодой начкон, естественно, возражать и не собирался. Более того, очень скоро они объединенными усилиями снова заставили говорить о себе.

Интуиция зоотехника — лишь проявление знаний и опыта. Дар совершенно реальный, наживной.

Был среди других производителей «Стрельцовки» классный скакун Будынок, сын знаменитого Бримстона. Превосходно выступал на скачках. Заслужил право называться трижды венчанным. Это большая редкость: значит, жеребец побеждал в самых крупных призовых скачках для двухлеток, трехлеток и лошадей старшего возраста. Ждали от Будынка отменного потомства. И вдруг неудача. Два года подряд «Стрельцовка» получает от Будынка плохих жеребят. Немедленно поступает распоряжение: изъять Будынка из числа производителей завода. Тем бы все и кончилось. Но Горелов не выполнил распоряжения. Опыт подсказывал ему: дело в непродуманном подборе маток. Селекция — тонкая штука. Быть не может, чтобы не добились успеха. Спорил, доказывал, ездил в Москву. Дошел, упрямец, до высоких инстанций: «Отвечаешь головой?» «Отвечаю!»

Трудно передать, что они пережили, пока ждали появления нового потомства Будынка. Но ведь существуют же на свете законы селекции, пусть иногда скрытые! Все продумали... И блистательная победа! Получены от Будынка жеребята исключительные, глаз не оторвешь. От второй ставки — еще лучше. Стали выступать на скаковой дорожке — приносят победу за победой. Даже прославленный кубанский «Восход» должен был признать: «Обскакала «Стрельцовка»...»

Старые конники, когда собираются вместе на традиционных соревнованиях чистокровных скакунов, обязательно вспоминают эту историю с Будынком, спрашивают Константина Ивановича Горелова: «Дело прошлое... Ты сам-то верил в удачу?..» «И не сомневался! — басит заслуженный зоотехник.— Сдуру, что ли, голову закладывал?»

В «Стрельцовке» они с женой вздумали заняться перевоспитанием неженок. Тоже была громкая история. Дело в том, что ценнейший чистокровный молодняк обычно чуть ли не на руках носили на заводах. Воспитывали в холе, от каждого сквознячка уберегали. И вдруг в «Стрельцовке» стали гонять юных «аристократов» в левадах, да еще в любую погоду, будь хоть ветер, дождь, снег...

Что за новости? Эдак болезней, травм не оберешься! Но пришли в свой срок молодые стрельцовские скакуны на ипподром. Люди смотрят, дивятся: мускулатура — сталь, сухожилия, связки — загляденье. По характеру — покладисты, без капризов; в борьбе на дорожке — упорны, устали не знают... Пригляделись конники, подумали, подхватили новый метод воспитания. Живет он и по сей день.

Прошли годы. Много их прошло. Поседела чета зоотехников-коневодов. Разлучались в военную пору, когда Константин Иванович, командир орудийного расчета, воевал на фронтах. Потом опять вместе.

Война принесла много бед советским коневодам. Оказалось разоренным их хозяйство, лучшие кони угнаны захватчиками, погибли. Было радостью великой, до слез, если вдруг неведомо откуда приходил на родное пепелище какой-нибудь истощенный, с незажившими рубцами побоев конь-мученик, тянулся губами к рукам, и в нем, присмотревшись, узнавали знаменитейшего скакуна.

Семен Михайлович Буденный хорошо знал Марию Игнатьеву. Поручил маршал зоотехнику срочно разработать план восстановления племенной работы с чистокровными скакунами. Все, что осталось от ценнейшего поголовья, собрали в «Восходе». По стершимся номерам на копытах определяли, какая лошадь и откуда. Составлялись заново документы, медленно начал вырисовываться план возрождения. С заглядом вперед на десять лет.

Можно ли заранее, задолго до появления на свет длинноногого чистокровного жеребенка, предсказать, каким он будет? Оказывается, можно. Пусть это похоже на чудо, но опытный селекционер, едва войдя в конюшню, скажет: «Вот этот конек, надо думать, от таких-то родителей». И не ошибется.

Составлением таких селекционных моделей занимается Мария Борисовна Игнатьева. Еще со времен работы в «Стрельцовке», вот уж более сорока лет. Причем в масштабе всей страны. Есть в коневодстве такой любопытный документ, целый том солидных размеров. Называется он «Государственная племенная книга лошадей чистокровной верховой породы». Это настольное пособие для всех конников-селекционеров, работающих с породой чистокровных лошадей. Составляет программный документ небольшая группа ученых-зоотехников Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства. Руководит Мария Борисовна Игнатьева. Труд этот капитальнейший. Всего пять томов вышло в свет за полвека. Четыре из них под ее редакцией и с ее вступительными статьями, представляющими собой глубоко аргументированный, научно обоснованный план племенной работы с породой. Уж давно полушутя, полусерьезно называют конники-селекционеры Марию Борисовну «крестной» всех вновь рожденных в заводах чистокровных жеребят! Да еще и не рожденных тоже. В том числе за рубежом, в странах социалистического содружества. Владея более чем десятком языков, советский ученый Мария Игнатьева неизменно выступает на международных конференциях конников с основными докладами, посвященными важнейшим проблемам чистокровного коневодства наших дней.

Зоотехник Константин Горелов, возвратясь с войны, продолжал идти практическим путем. Союз науки и практики по-прежнему прочен в семье. Жена определяла, какими быть жеребятам. Муж их растил и тренировал. Впрочем, не было и не могло быть строгих граней. Около ста печатных работ выпустила в свет Мария Борисовна. Немало полезных, нужных трудов по выращиванию, тренингу, испытаниям скакунов опубликовал Константин Иванович. Кое-что писалось вместе, например, капитальная глава в «Книгу о лошади», которую редактировал маршал С. М. Буденный.

Казалось бы, в наш век сверхзвуковых скоростей кому нужна лошадь? Зачем столько лет жизни, столько труда, волнений отдали эти двое делу, уходящему в прошлое?

Привез коняга на своей спине человечество к прогрессу — хватит.

Но конь всегда останется с нами. Всегда он будет приносить нам радость своей красотой, помогать закалять здоровье, будить романтику. Всегда останутся лихие скачки, захватывающие дыхание, прогулки верхом по родным полям и перелескам и многое другое, прекрасное, что связано с широким понятием — конный спорт.

Служению этому прекрасному посвятили жизнь коммунисты-зоотехники Мария Игнатьева и Константин Горелов.

И эта жизнь в труде продолжается. Мария Игнатьева по-прежнему в институте. Константин Горелов руководит огромным хозяйством крупнейшего в стране Центрального московского ипподрома.

Институт под Рязанью. Всю неделю Мария Борисовна там. Но два дня они вместе. Задумала жена труд еще небывалый: исследование в масштабах мирового чистокровного коневодства. Муж помогает. Как всегда.

Новый год они будут встречать дома. Еще один Новый год. Накануне Мария Борисовна постарается приехать домой пораньше. Надо успеть постряпать, убраться. Они живут в новом высоком доме. И весь город перед глазами.

За окном в новогоднюю ночь будет веселиться Москва. Будет молодежь гулять по снежным улицам.

Им тогда, наверное, вспомнится их первая новогодняя ночь. Но грусти не будет. Они по-прежнему вместе.

Кадр из фильма «Сердце России». В роли Мостовенко артист А. Кочетков.

СЕРДЦЕ РОССИИ

«Сердце России» — так называется картина, созданная на студии «Мосфильм» режиссером Верой Строевой по сценарию Дмитрия Василиу и Анны Капланян.

Час за часом ведут нас кинокадры по следам решающих событий, происходящих в Москве 25 октября 1917 года.

В тот день Москва жила напряженным ожиданием. Важные события назревали в Петрограде, где Ленин и его ближайшие соратники готовились к решающей схватке; но и враги революции в Москве бдительно следили за петроградскими событиями. Им удалось перехватить сообщение о победе большевиков в Петрограде... И вот в фильме: начальник штаба Московского военного округа полковник Рябцев вырабатывает коварный план разоружения арсенала Кремля и преданных революции воинских частей Московского гарнизона...

Без охраны, будто для мирного разговора, является Рябцев к коменданту Кремля, прапорщику Берзину... Тщетно пытается Берзин соединиться по телефону с Московским Советом: связь в руках врагов.

Берзин приказывает открыть кремлевские ворота юнкерам. Трагичны, душераздирающи последствия мягкотелости и растерянности Берзина: залиты кровью, усеяны трупами мостовые Кремля, обезоружены и перебиты рабочие арсенала...

Однако не дали рабочие Москвы до конца осуществить план Рябцева. С Пресни, с московских окраин двинулись на защиту революции народные дружины, вооружаясь всем, что можно было достать по домам, у солдат, в тайниках революционных штабов...

Под руководством Московского комитета большевиков встали грудью москвичи за Советскую власть, уже провозглашенную в Петрограде... И вот сегодня идем мы по Москве; перед нами — московские площади: Свердлова, Дзержинского, Ногина, Добрынинская... Улицы — Усиевича, Мостовенко, Люсиновская... Все это славные имена тех людей, кто в решающий, переломный час истории нашей страны стоял насмерть в Москве — сердце России.

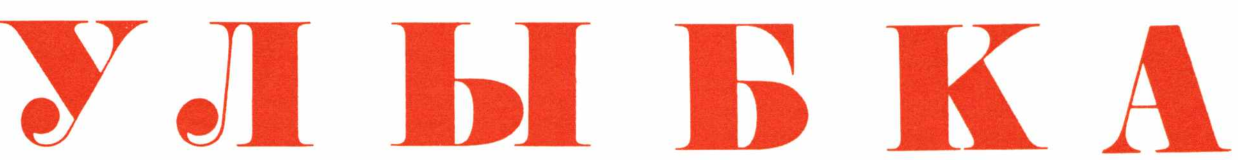
Молодому человеку нашего времени — и тому, кто живет в столице, и тому, кто хочет знать великий город, хотя бы по кинофильму,— картина рассказывает с убедительностью подлинного документа о победах социалистической революции. О славных героях, подвигами своими вписавших память о себе в летопись государства.

Н. СИЛАНТЬЕВА

1

Виолетта МОРОЗОВА

Фото Е. УМНОВА.

УЛЫБКА

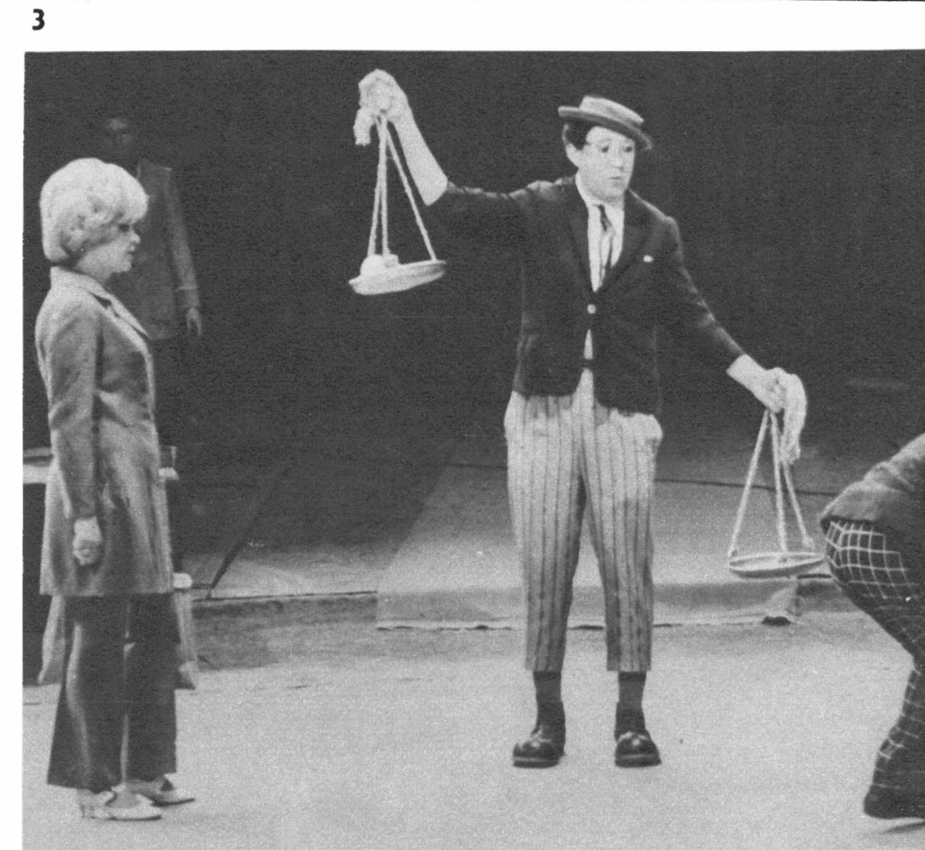
К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Режиссер Эльдар Рязанов берет мегафон:

— Внимание, камера! Начали... Юра, пошел! В проеме полуразрушенного забора возникает озирающаяся мужская фигура... Вдруг раздается грохот, треск: забор под напором наехавшей на него «Волги» разлетается вдребезги... Съемочная группа хохочет. Рабочие молча чинят забор, а мы, пользуясь вынужденным интервалом между съемками новой кинокомедии «Старики-разбойники», подходим к исполнителю главной роли — Юрию Владимировичу Никулину.

— Нам хочется задать вам перед Новым годом, может быть, несколько шутливый вопрос, Юрий Владимирович. Педагоги утверждают, что характер человека формируется до пяти лет. Скажите, тройственность ваших увлече-

3

2

1. **С любимым актером и мороз не страшен...**

2. **Чувство юмора нужно всем...**

3. **Вечер. На арене цирка.**

4. **Утро. На съемке фильма.**

5. **Всегда в пути.**

6. **Домашнее трио.**

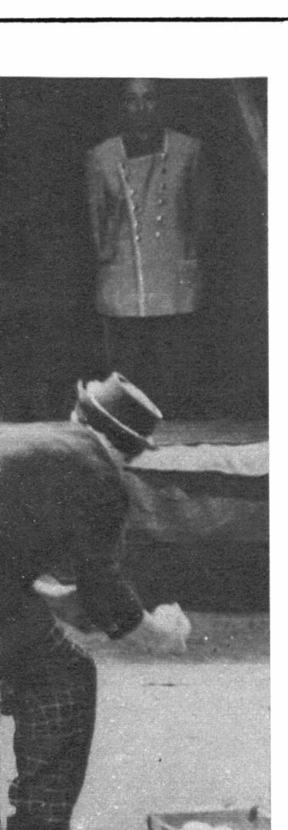
ний — цирк, комедия, драма — возникла еще в детстве?

— Первая моя встреча с цирком действительно произошла, когда мне было пять лет. Отец взял меня на представление, и я был потрясен необыкновенным зрелищем. А когда на арену вышли клоуны Брасетто, я окончательно решил, что в цирке самые главные и великие — клоуны... Вскоре знакомая девочка пригласила меня на костюмированный бал. Я просил маму сшить мне клоунский костюм. На вечере же я, помня о том, какой смех вызывали клоуны в цирке своими падениями, тоже все время падал. Но почему-то надо мной никто не смеялся. Наоборот, все смотрели на меня сочувственно. И родители, решив, что я нездоров, увели меня домой.

Мои первые попытки выступить в драме тоже оказались не очень удачными. В школьном спектакле был номер, который назывался «Огород»; я был самый маленький в классе, и мне поручили роль «Горошка». Я старательно учил текст, но, когда пришла пора выйти на сцену, все начисто забыл и почему-то сказал: «Я — репка». После спектакля учительница ядовито заметила: «Никулин у нас комик»...

В кино мои первые детские дебюты были более удачными. Мой отец, Владимир Андреевич, бывший провинциальный актер, занялся литературной деятельностью, когда мы переехали в Москву. Он был малоформистом, как в то время говорили,— сочинял цирковые репризы, писал короткие юмористические сценки для театра и эстрады. Жили мы в девятиметровой комнате, и отец работал главным образом по ночам, а утром проверял написанное,

НИКУЛИНА

4

Мои лучшие пожелания читателям „Огонька"
Ю. Никулин

5

6

читая нам вслух все то, что написал ночью. Мать сонным голосом говорила, что это, наверное, смешно... Были у отца вещицы и для нашего дворового театра. Когда мне было шесть лет, отец написал для нас кинообозрение: «Блин на масленицу». Я играл Гарольда Ллойда, мой приятель — Дугласа Фербенкса, а соседская девочка — Мери Пикфорд. На наши представления собиралось много зрителей. Они не скупились на аплодисменты.

Позднее моя тетка, которая жила с нами, подарила мне эпидиаскоп. Я переделал его, чтобы можно было вставлять целую ленту. Сюжеты для своих фильмов я придумывал сам и сам же их рисовал. Телевидения в то время еще не было, и мои киносеансы имели большую популярность.

Когда я окончил школу, твердо решил стать режиссером. Но в тот год набора на режиссерское отделение не было; и меня вскоре призвали в армию. Как только срок моей службы истек, началась война с фашистской Германией...

— Как сложилась ваша судьба во время войны? Удавалось ли иногда вспоминать о своих детских увлечениях?

— Служил, как все, дослужился до сержанта. В короткие минуты передышек мы любили посмеяться, пошутить. Однажды меня вызвал комиссар и сказал: «Ты, Никулин, у нас самый веселый, организуй самодеятельность: людям надо отдохнуть».

Приказ должно исполнять, и я пошел по батареям; желающие, конечно, нашлись. Мне пришлось быть и режиссером, и сценаристом, и постановщиком, и главным исполнителем... И опять я решил играть клоуна. Изготовили мне рыжий парик, взяли у старшины самые большие ботинки — 46-го размера, использовали помаду и сажу в качестве грима... Жонглировать я немножко умел еще со школы... В общем, дело пошло. Изголодавшиеся по юмору, по доброй шутке, улыбке солдаты принимали нас на «ура». И когда после войны я пошел сдавать экзамены во ВГИК, то не сомневался в успехе. Но таких, как я, было много — кажется, чуть ли не тысяча человек, приняли же всего двадцать, и, конечно, я не попал... Потом пытался поступить в ГИТИС, в театральные студии Малого театра и Театра имени Моссовета, но везде меня постигала неудача... Кончилось тем, что меня вызвали в милицию и строго спросили:

— Никулин, почему нигде не работаете?!.

Я объяснил. Тогда мне предложили: «Брось ты все это, иди к нам, в школу милиции». Я уж начал было раздумывать над этим предложением, но случайно увидел объявление, что при Московском цирке создается экспериментальная студия клоунады. На экзамене читал стихи Пушкина, отрывок из «Дворянского гнезда»... Вдруг узнаю, что принят в числе других восемнадцати счастливчиков!..

Учили нас два года, хотя практики не было почти никакой. Так что я был безмерно счастлив, когда меня взял к себе в ученики знаменитый Карандаш. Вскоре я познакомился с Михаилом Шуйдиным, своим постоянным цирковым партнером. Через некоторое время мы стали выступать самостоятельно и даже смогли тоже взять себе учеников. В их числе была и моя будущая жена Таня.

— А как произошла ваша встреча с кино?

— Кино пришло в мою жизнь неожиданно. Как-то меня пригласили сниматься в фильме «Девушка с гитарой». Я сначала отказывался, но жена позвонила на студию и договорилась за меня. Тогда я выбрал эпизод с пиротехником, и, когда в пиджачке, с небольшим чемоданчиком в руках появился на съемочной площадке, Михаил Иванович Жаров, захохотав во весь голос, спросил: «Кто это?»

Кто-то ему ответил за меня: «Пиротехник».

— Таким я себе его и представлял,— сказал Михаил Иванович.

А я вдруг опять забыл текст!.. Съемку начинали три раза... Наконец режиссер велел мне произносить текст без камеры, и только тут у меня все получилось... Правда, камера все-таки меня снимала, только я не знал об этом...

Потом уж фильмы пошли один за другим. Играл я в основном пьяниц. О своей популярности в кино узнал впервые, когда однажды пришел в магазин на Смоленской, где два каких-то не очень трезвых субъекта пригласили меня на роль «третьего». Потом я «переквалифицировался» и стал играть жуликов. Так что когда режиссер Туманов пригласил меня в фильм «Ко мне, Мухтар», я сперва наотрез отказался от роли. «Как это я буду играть милиционера, если зритель уже привык видеть меня жуликом»,— рассуждал я. Однако Туманов настаивал. И я вспомнил, что меня ведь приглашали в школу милиции. Возможность стать милиционером показалась мне реальной. Я решил, что смогу убедить и зрителей...

С трепетом шел я на первый, девятичасовой, сеанс в кинотеатр, где демонстрировался «Мухтар». На экране появился мой герой — милиционер Глазычев... Я замер... Какой-то долговязый парень, сидевший слева, подал реплику:

— Гляди, Никулин! Сейчас что-нибудь сопрет!

Но действие пошло дальше, публика вместе с моим героем переживала драматические события фильма... И даже тот парень, кажется, поверил в меня, как в стража порядка и законности. Выйдя из кинотеатра, я почувствовал себя счастливым, что сумел перебороть страх перед новым амплуа.

— Кто же первый заметил ваше драматическое дарование?

— Впервые серьезную, драматическую роль я сыграл в фильме Кулиджанова «Когда деревья были большими». Как ни странно, решение пригласить меня на роль Кузьмы Кузьмича Иорданова созрело у режиссера после того, как он увидел меня в цирке. Ни одного фильма с моим участием Кулиджанов до того не смотрел... Сам я очень люблю эту роль, хотя не могу сказать, что она любимая. Обычно в таких случаях говорят, что любимая роль та, которую еще предстоит сыграть. Но я так не думаю. Наивно считать, что каждая новая роль будет раз от разу все более удачной... Часто актер всю жизнь ищет свою синюю птицу...

О себе скажу, что еще отец приучил меня к строжайшей оценке своей работы. Он-то и был, пожалуй, моим главным и постоянным учителем в жизни и в искусстве.

— После успеха в кино не возникло ли у вас желания покинуть цирк?

— Цирк — это мой родной дом! Там я начал свою жизнь в искусстве, и если я достиг сейчас каких-нибудь успехов, то в первую очередь благодаря цирку. Там все необыкновенно, все празднично. Когда я начал работать клоуном, меня привлекали внешние эффекты: я завел себе рыжий парик, очки, большой нос, огромные ботинки, усиленно гримировался... Но как-то подошел ко мне знакомый акробат и сказал: «Никулин, зачем тебе грим? У тебя и так глупое лицо». Он шутил. Но как бы там ни было, со временем я отказался почти от всех традиционных клоунских атрибутов, разве только большие ботинки остались. С годами я понял, что современную публику уже не рассмешить нелепым нарядом и рыжим париком; нужно что-то новое, внутреннее, а оно рождается с трудом. Правда, нам, клоунам, помогают все: такой уж в цирке народ! Придумываешь репризу, новый номер, а кто-нибудь из старых мастеров цирка по ассоциации вспомнит что-нибудь интересное, и все получается хорошо...

— Последний вопрос: чего вы боитесь больше всего?

— Для меня самое страшное в жизни, когда шутка остается непонятой. Когда в ответ никто не улыбается... Однажды по дороге в аэропорт я превысил скорость, меня остановил постовой, и я решил пошутить.

— У меня отказали тормоза — спешу в мастерскую,— сказал я.

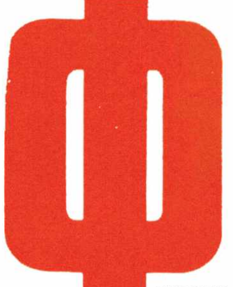
— Ну торопитесь,— без тени улыбки сказал милиционер.

Я расстроился больше, чем если бы он сделал прокол в шоферских правах. Недаром же самый страшный сон, который мне снится, всегда один и тот же: будто я долго не могу найти реквизит, потом все-таки нахожу его, выполняю номер, произношу реплику, а зал безмолвствует. Наверное, такие сны снятся только нам, клоунам... Хотя чувство юмора, на мой взгляд, необходимо всем.

Да, он прав, артист, радующий нас своим жизнерадостным искусством. Смех, шутка, улыбка Никулина нужны людям...

Станислав ТОКАРЕВ

Фото Л. Бородулина, А. Бочинина.

игурное катание, ставшее у нас одним из самых популярных спортивных зрелищ, вступило в новый сезон. Нам предстоит провести много приятных часов у телевизоров и на трибунах дворцов спорта: сезон-то олимпийский! Вот его главные вехи. 10—15 января в шведском городе Гетеборге — чемпионат Европы. В феврале соревнования в Саппоро, столице зимних Олимпийских игр, и, наконец, в начале марта в канадском городе Калгари — чемпионат мира.

Подумать только, все было совсем недавно! В 1964 году Людмила Белоусова и Олег Протопопов стали олимпийскими чемпионами в парном катании, и это был первый значительный успех советских фигуристов. В 1969 году на чемпионате мира у них выиграли Ирина Роднина и Алексей Уланов и так же, как их предшественники, надолго остались на высшей ступени пьедестала почета.

А в 1970 году Людмила Пахомова и Александр Горшков принесли отечественной школе главенство и во втором виде фигурного катания — танцах на льду.

Эти события не только вехи истории. В каждом случае мы встречаемся с новым направлением в фигурном катании.

Олег Протопопов говорит, что ему скучно фигурное катание, понимаемое только как спорт, как цепь технических движений, каких-то, по его собственному выражению, крючков и закорючек. Белоусова и Протопопов насыщали свои ледовые комбинации внутренней темой, содержанием, продумывали партитуру ролей в дуэте, разрабатывали систему внутренних взаимоотношений партнеров. Они подняли фигурное катание до уровня художественного творчества.

Станислав Жук, воспитавший Роднину и Уланова, понимал, что в стиле Белоусовой и Протопопова нельзя быть выше самих творцов. Если спорить с ними, то другим оружием. Сугубо спортивная манера нынешних чемпионов тоже новаторская, она заключает в себе такое количество сверхсложных трюков сугубо акробатического толка, исполняемых в столь высоком темпе, которого прежде фигурное катание не знало. Жук понимал также, что коль скоро Белоусова и Протопопов сумели быть на льду высокоартистичными, то и для победы над ними не-

СЧАСТЛИВОГО ЛЬДА

Ирина Роднина и Алексей Уланов — безудержная лихость, бесшабашность, удаль...

Людмила Пахомова и Александр Горшков умеют на льду и веселиться и грустить...

обходим артистизм, но иной. Был изящный и нежный лиризм — пусть будет безудержная лихость, бесшабашность, удаль.

И взгляды Жука нашли большой отклик среди исполнителей. За несколько последних лет воспитано много интересных пар, и не только у нас, но и за рубежом: вся современная школа парного катания ГДР, в сущности, основана на опыте Родниной и Уланова. У Белоусовой же и Протопопова продолжателей нет, разве что Людмила Смирнова и Андрей Сурайкин, но сходство между этими парами в известной степени чисто внешнее.

Итак, на катке восторжествовали принципы Жука. Однако симпатии публики далеко не однозначны, и для очень многих Белоусова и Протопопов по-прежнему кумиры, тем более что в начале нынешнего сезона они показали хорошую спортивную форму.

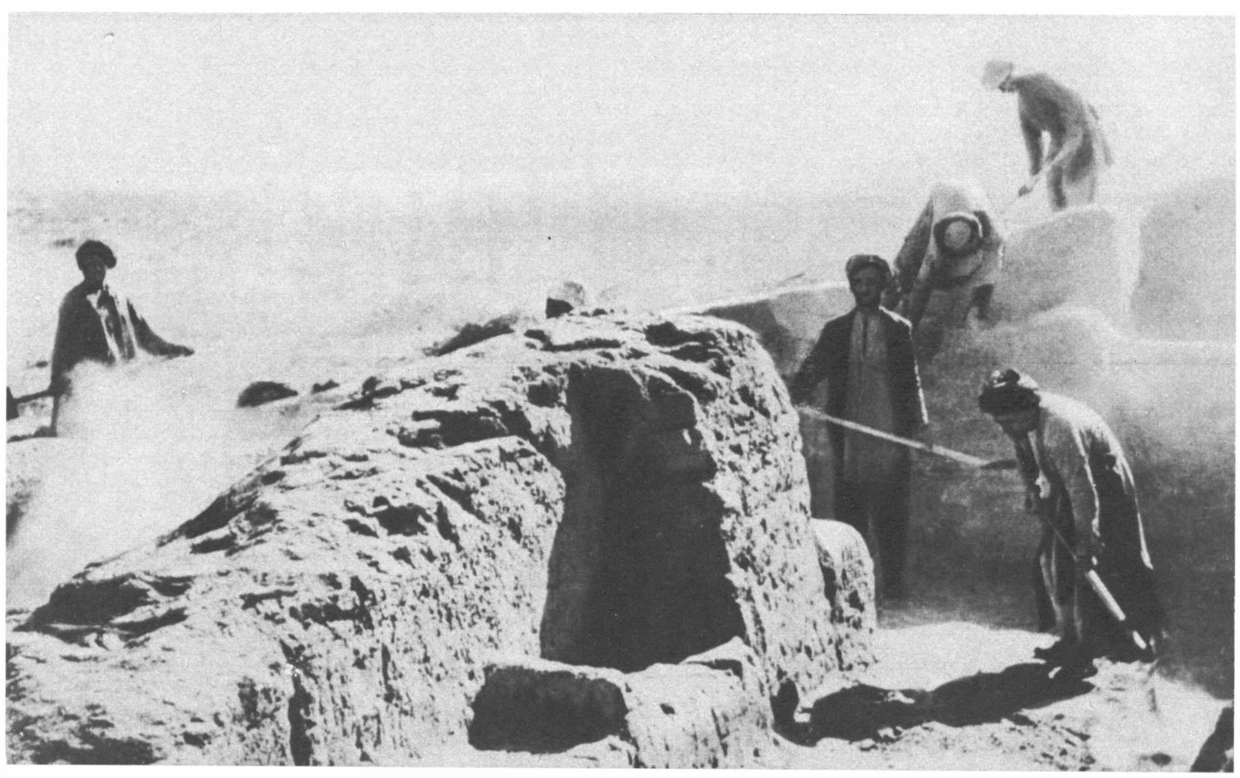
Но плодотворность акробатического направления связана еще и с тем, что фигуристов такого тонкого и высокого дарования, как у Белоусовой и Протопопова, найти необычайно трудно, да и не раскрывается оно в том детском возрасте, в котором сегодня впервые выходят на лед фигуристы. И если способных ребят можно с помощью напряженного тренинга при продуманной организации дела научить прыгать и вращаться так, как это делают, например, Мануэла Гросс и Уве Кагельман, Анетте Канци и Аксель Зальцман, Марлис Радунски и Ральф Остеррайх — три ведущие пары ГДР, то лиризму наших славных ветеранов научить их невозможно.

Вот и получилось так, что если сегодня наши позиции в мировом парном катании кажутся незыблемыми, если завтрашний день кажется нам ясным, то день послезавтрашний сулит раздумья, а может быть, и разочарования.

Пока наша школа может противопоставить трем названным мною выше дуэтам ГДР только один (примерно того же возраста) — москвичей Ирину Черняеву и Василия Благова. Но Черняева и Благов, во-первых, не имеют международной репутации, подобной той, которую уже в прошлом се-

ДАРЮ ВАМ ГОРОД

И. КРУГЛИКОВА

Что было здесь в эпоху Кушанского царства!

Два года назад была организована Советско-Афганская археологическая экспедиция. В нее входили шесть советских специалистов и два сотрудника Института археологии Афганистана.

Ученые нашли около 150 неизвестных ранее археологических памятников, относящихся к периоду от каменного века до эпохи феодализма.

Сейчас работа археологов продолжается.

Начальник советской части экспедиции старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, кандидат исторических наук И. Т. КРУГЛИКОВА рассказывает о раскопках древнего города.

●

Машина экспедиции — вездеход ГАЗ-66,— как корабль, несколько дней дрейфовала по барханам пустынных районов, лежащих к югу от Аму-Дарьи. То здесь, то там на безбрежной равнине песков появлялись тепе—глиняные холмы, остатки поселений и отдельных построек. На каждом из тепе опытный глаз археолога находил сле-

---

зоне завоевали дуэты ГДР, а репутация у судей имеет в фигурном катании очень большое значение. А во-вторых, воспитанники Татьяны Тарасовой не располагают в своем репертуаре трюками, подобными, скажем, уникальному тройному обороту, который крутит Мануэла Гросс, пущенная в воздух рукой партнера.

Но нужны ли нам эти трюки?

Думается мне, что только синтез «акробатической» и «лирической» школ катания даст нам в руки победное оружие. Только высокий артистизм и высокая духовность, переплавленные вместе с атлетической, темповой современной манерой, помогут нам остаться на той вершине, на которую мы взошли.

Танцы на льду. Победы Пахомовой и Горшкова на протяжении последних двух лет, как я уже говорил, также имеют принципиальное значение. Спортсмены и их тренер Елена Чайковская сделали танцы богаче красками, артистичнее, острее и увлекательнее по сюжету, который прежде, в классической британской трактовке, был однотонен.

Все, без исключения, достижения нашей школы связаны с богатыми традициями русского балетного искусства. В манере Белоусовой и Протопопова узнавалась тонкая изысканность, скажем, «Лебединого озера», в стиле Родниной и Уланова — огненная стихия «Половецких плясок». Пахомова и Горшков многогранно танцевальны, они умеют на льду веселиться и грустить, диапазон настроений, которые они в состоянии выразить, почти безграничен, и это в своих постановках использует Чайковская.

Обратите внимание: каждый новый номер Пахомовой и Горшкова (я говорю даже не о показательных номерах, в которых спортсмен чувствует себя свободнее, а о спортивных, скованных жесткими рамками правил) не простое чередование медленных и быстрых музыкальных отрывков, сопровождающих движения танцоров. Это всегда осмысленная танцевальная новелла, в которой есть завязка, кульминация, развязка, взаимоотношения партнеров — все, что необходимо для законченного художественного произведения. И там, где другие танцоры для перехода от одной части к другой используют просто остановку, у Пахомовой и Горшкова это непременно некий оригинальный элемент: ведь сюжет развивается, нельзя допустить, чтобы из его цепи выпало звено.

Искусство подобного рода требует и большего разнообразия чисто спортивных, технических средств. Характерно, что в этом году после всех судейских строгостей, имевших место на чемпионатах Европы и мира, Международный союз конькобежцев принял решение, резко увеличивающее в танцах число ограниченных прежде элементов — подпрыжек, поддержек и т. д. Это очень важное решение, оно предоставляет постановщикам гораздо большую творческую свободу, делает танцы ярче и по-настоящему спортивнее. Может быть, именно оно сыграет кардинальную роль в решении затянувшегося вопроса о включении танцев в программу белых олимпиад. А обязан этим мировой спорт нашей танцевальной школе.

Теперь опять о резервах, о наших перспективах на будущее. Кто сменит наших чемпионов, когда они покинут лед? Обращают на себя внимание московские школьники Ирина Моисеева и Андрей Миненков. Это, я бы сказал, светлый дуэт, юношески непосредственный, певучий в каждом движении, хотя, конечно, лишенный по молодости лет того непререкаемого технического блеска, который и позволяет, скажем, Пахомовой и Горшкову быть свободными в самых сложных сплетениях спортивных па.

Но что же происходит в одиночном катании? Там у нас успехи, как известно, скромные: серебряная медаль Сергея Четверухина на чемпионате Европы, бронзовая — на мировом первенстве. Но успех Четверухина все же значителен и принципиален — пусть не для международного спорта в целом, но для позиций нашей школы. Легче теперь и другим, а дарования у нас есть, и среди них такое незаурядное, как ленинградец Юрий Овчинников, буквально рожденный для того, чтобы парить над льдом.

Овчинникова не первый год ругают за то, что он плохо «катает» школу. Он это понимает, много работает. Наверное, тут для него своеобразный психологический барьер: не расположена его темпераментная, порывистая натура к умеренности, которая требует для рисования на льду кружочков с клювиками наружу и внутрь. Есть же пример противоположного свойства. Беатрикс Шуба эти самые кружочки чертит артистически, а в произвольном катании уступает многим. Однако в нынешнем году она стала первой и в Европе и в мире.

Конечно, все понимают, что это результат некоторого временного кризиса в женском одиночном катании, просчетов, допущенных в правилах: слишком уравновешена в них обязательная программа в нынешней ее скучноватой трактовке со зрелищной произвольной.

ды человека. Чаще всего это были черепки разбитой посуды, иногда кремневые орудия и наконечники стрел, бронзовые и каменные поделки. Опытный археолог по ним сразу определит, стоит ли он на развалинах поселения, относящегося еще к каменному веку, или здесь жили земледельцы в эпоху бронзы. Лежат ли под его ногами развалины города, пережившего вторжение гоплитов Александра Македонского, или здесь была укрепленная усадьба эпохи феодализма.

Так было и на этот раз. Измеряя расстояния между многочисленными тепе, чтоб нанести их на карту, В. И. Сарианиди вдруг заметил на горизонте массивное укрепленное поселение. Машина подъехала ближе. Над песками стали отчетливо видны высокие стены из сырцовых кирпичей. Кое-где просвечивали стреловидные бойницы. По углам возвышались башни. Видны городские ворота. Машина въезжает в мертвый город. В его средней части возвышается большой холм. Это цитадель. Воображение рисует картину давно прошедшей эпохи, когда в цитадели возвышался дворец правителя, а внизу, вокруг него, располагались дома аристократов, простирались кварталы ремесленников, лавки торговцев.

На поверхности, над заплывшими и занесенными песком стенами жилищ сейчас лежат россыпи черепков. Среди них видны глиняные фигурки — изображения богини, покровительницы земледельцев, всадника — конного божества, может быть, бога солнца. Что это? В руке археолога совсем необычная статуэтка — сова, сидящая на быке. А вот часть еще одной — женской фигурки в длинном хитоне. В складках прячется ребенок. Как трогательно он прильнул к матери! Такие статуэтки, так же, как и сосуды с поверхностью, покрытой ярко-красным лощением, выделывали ремесленники Бактрии в первые века нашей эры. Вот и небольшие холмики, около которых рассыпаны куски керамического шлака и пережженные черепки — керамический брак. Это остатки печей, в которых гончары обжигали свои изделия.

По сравнению с другими тепе эти руины кажутся особенно величественными. Топографы, делавшие геодезическую съемку этого района, нанесли на карту руины в виде небольшого квадратика. Они назвали их «Дальверджин казан». Кто же построил этот город и почему его оставили жители? Ответить на эти вопросы можно будет только после того, как город раскопают археологи.

Рассказ В. И. Сарианиди, привезенные им находки заинтересовали нас. На следующий день на экспедиционной машине мы направились в пустыню смотреть загадочные руины. Оказалось, что город занимал значительно бо́льшую территорию, чем 12 га, огороженные четырехугольником оборонительных стен. К востоку и югу за стенами видны развалины домов и гончарных печей.

Начались раскопки. Сотни крестьян из окрестных деревень приезжали на лошадях и ослах или приходили пешком, предлагая свои услуги. За месяц работ сотрудникам экспедиции удалось освободить от песка часть оборонительных стен, раскопать помещения, пристроенные к стенам внутри города, оконтурить стены большого храма и частично раскрыть большой культовый комплекс, находившийся около юго-западного угла городских укреплений. Расчищенные от песка городские стены имели высоту 8,5 метра. О том, что первоначально они были еще более высокими, можно судить по тому, что в верхних этажах башен сохранились помещения, стены которых были разрушены.

На полу одной из башен лежала куча глиняных шариков, приготовленных для метания из пращи. Защитники города не успели их израсходовать, и шарики оказались погребенными под кирпичами обрушившихся стен.

И уж совсем неожиданной оказалась находка стенных росписей. По-видимому, их много в мертвом городе. Стены помещений сохранились на высоту более 2,5 метра. Но крыши всех комнат обрушились, и если освободить от песка все помещения с росписями, то под лучами солнца яркие краски могут выгореть. А если пойдет дождь?.. Тогда росписи, хранившиеся в песке более полутора тысячелетий, могут безвозвратно погибнуть. Нужны реставраторы, необходимо строить укрытия.

Посовещавшись, мы решили не отрывать всех росписей, подождать до раскопочного сезона.

Но можно ли совсем не посмотреть, какова живопись? И вот рабочие начинают выбрасывать песок из одного самого маленького помещения. Постепенно от песка освобождается роспись. Это сюжетное многоцветное панно высотой 1,1 метра. В центре изображен мужчина, сидящий в торжественной позе. Его правая рука, по-видимому, держит меч. В этом месте краска облупилась. Левой рукой он опирается на щит. За его спиной две ленты — атрибут сасанидских царей. Тонкий торс перетянут поясом. На голове что-то вроде голубого шлема с желтыми разводами, на плечах голубой плащ. Видны длинные черные локоны.

Настенные росписи в Афганистане были известны и ранее. Но все они относятся к более позднему времени, чем вновь открытая. Найденная нами роспись уникальна. Жаль, что лингвисты еще не смогли прочесть надписей, помещенных в белых прямоугольниках над головами персонажей.

Только два дня мы смогли полюбоваться росписью и подивиться мастерству древнего живописца. Ровно столько времени понадобилось молодому художнику экспедиции Сергею Понарину, чтобы сделать копию росписи. Надо было торопиться. Погода осенью изменчива. Только закончили фотографы снимать живопись, как на горизонте стали собираться тучи. Пришлось позвать рабочих, и скоро роспись оказалась вновь погребенной под почти трехметровым слоем песка. Так ей не угрожают ни солнце, ни дождь. Но раскопки города продолжались. Недалеко от помещений с росписями исследовали высокий холм. Там был открыт храм. Его стены некогда были украшены глиняными скульптурными рельефами. Они тоже были раскрашены. Нож и кисточка в руках археолога Зафара Хакимова освобождают от песка часть упавшей скульптурной группы — фигуры мужчины в короткой тунике и женщины в длинном хитоне. Здесь тоже раскопки пришлось приостановить до будущего сезона. Еще на одном участке, у западной стены, были открыты десятки жилых помещений. Среди них — кладовые с огромными глиняными сосудами, в которых, вероятно, около двух тысяч лет тому назад хранилось вино. А сейчас от него остался только темный налет на стенке.

Открыта новая страница в истории Кушанского царства. Мертвая пустыня начала рассказывать археологам свои тайны.

Поняв это, руководство мирового фигурного катания внесло в правила еще одно важнейшее изменение. Теперь наряду со «школой» в чистом виде одиночник обязан исполнять так называемую «малую программу» — полутораминутную обязательную, состоящую из заданных элементов (прыжков, шагов, вращений), но в произвольном монтаже и под музыку. Это обстоятельство, думается, укрепит шансы спортсменов типа Овчинникова и, значит, сделает распределение мест объективнее и справедливее.

Но вот что поистине парадоксально — те же наши тренеры, которые умеют растить талантливых одиночников-мужчин и великолепные спортивные пары, в том числе и отважных, прыгучих, умелых партнерш, не в состоянии подготовить хотя бы одну фигуристку, способную выделиться на международных соревнованиях. Объяснение простое — ни Марина Титова, ни Елена Александрова не умеют делать прыжки в два с половиной оборота, а без них на европейских и мировых турнирах делать нечего. Но почему не умеют? Роднина умеет, Смирнова умеет, и Карелина, и Черняева тоже. Значит, научились тренеры учить, так почему не учат одиночниц?..

Может быть, я не прав, но мне кажется, что есть здесь одна причина чисто психологического характера. Вот, допустим, приметил тренер талантливую девочку. И задумался: стоит ли готовить из нее одиночницу, с трудом, с усилиями пробиваться вверх по непроторенной дороге, когда можно найти ей партнера и зашагать вслед за Родниной и Улановым, за Смирновой и Сурайкиным.

Эта мысль пришла мне в голову нынешним летом, на одной из тренировок, на которой мне довелось побывать. Я там видел одареннейшую девочку. Ее зовут Ира Воробьева, ей 13 лет, и, можете мне поверить, подобные природные данные редко встретишь (в этом смысле могу сравнить ее с юной гимнасткой Ниной Дроновой, о которой любители спорта, наверное, слыхали: молва о ней идет уже второй год). Занимается Ира у Тамары Москвиной, прославленной в прошлом фигуристки, недавно ставшей тренером. Так вот, Ира Воробьева уже выступает в паре, хотя смогла бы стать отличной одиночницей...

...Итак, олимпийский сезон фигуристов взял разбег. Коньки скользят через Гетеборг в Саппоро, где на голубом прямоугольнике катка начертят они ответы, если не на все, то на многие из волнующих нас сегодня вопросов.

Счастливого вам льда!

НЕКРАСОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНЦЕРТ

Литературный концерт «Русские женщины», посвященный 150-летию со дня рождения Некрасова, состоялся в Большом зале Библиотеки имени Ленина. Артисты Малого театра Б. Ф. Горбатов и К. Е. Блохина представили новую программу, которую готовили давно; она вобрала в себя многие материалы эпохи, связанные с декабрьским восстанием.

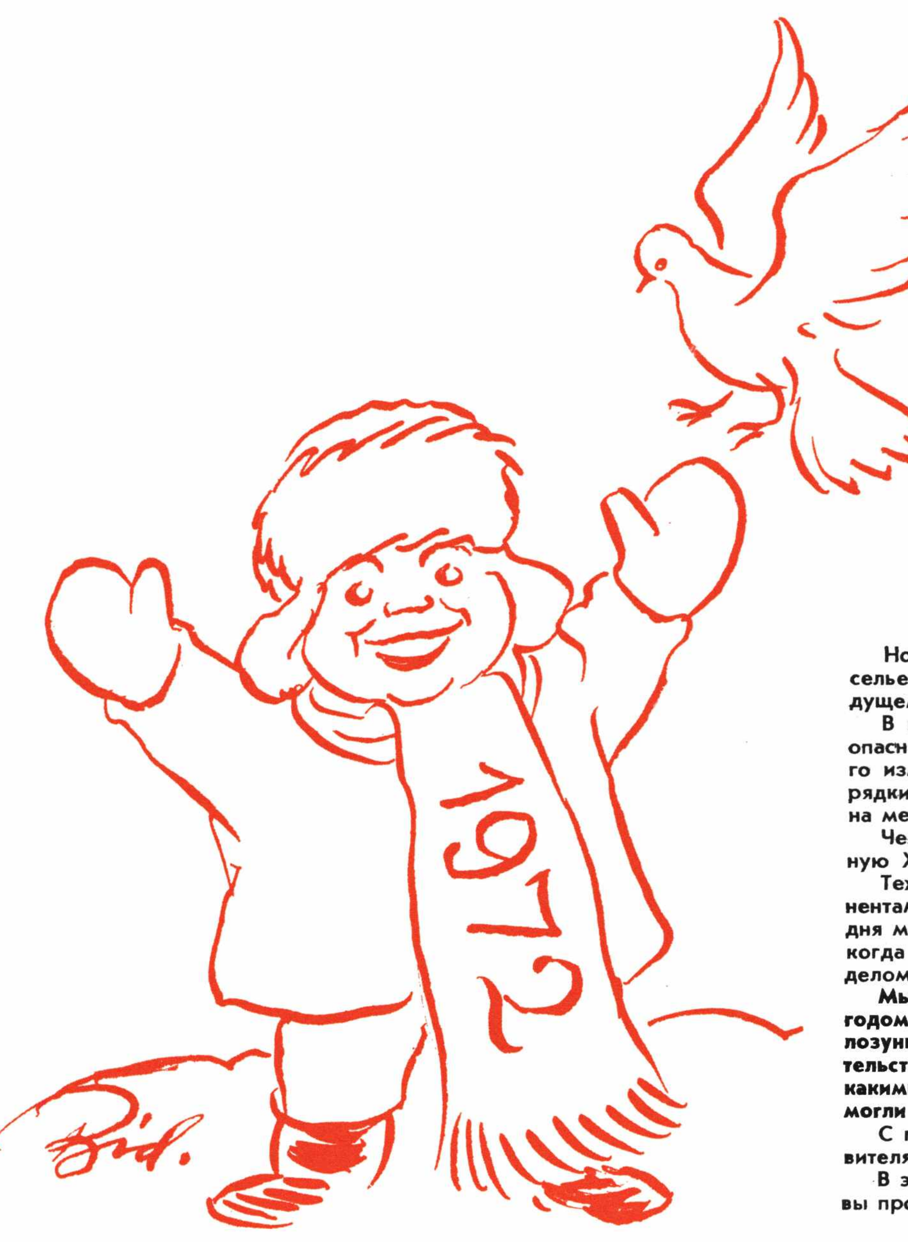
Звучат со сцены бессмертные стихи поэта-демократа; возникают образы минувшего столетия: мечется разъяренный, перепуганный самодержец... Перекошено бешенством лицо царя-палача...

А вот перед нами другие лица — вдохновенные, чистые; мы слышим речь Рылеева перед восстанием, последние слова во славу российской вольности...

Трубецкая и Волконская... Разные характеры, но общие стремления, поступки... Резкая, порывистая, гордая Трубецкая, измученная, но не сломленная; очень юная, хрупкая Волконская, прекрасная и нежная... Бережно, с огромным состраданием относится актриса к обеим героиням. В полнейшей тишине идет сцена прощания Волконской с сыном. Никогда ей больше не суждено увидеть своего первенца, но заключительный ее монолог полон высокого пафоса, истинной гражданственности: «Спасибо вам, русские люди!.. Примите мой низкий поклон...»

Е. ИВАНОВА

МИР — ДЕЛО КАЖДОГО

Новый год — это не только традиционные хороводы у елок и веселье за столом, это надежды в сердцах, это размышления о будущем.

В некоторых районах мира положение остается еще тревожным и опасным. И все-таки прошедший год войдет в историю как год заметного изменения международного политического климата в сторону разрядки напряженности. Это обусловлено изменением соотношения сил на международной арене в пользу мира и социального прогресса.

Человечество приветствует советскую программу мира, выработанную XXIV съездом КПСС.

Технический прогресс XX века сократил расстояния между континентами и странами. Людям стало легче узнавать друг друга. И сегодня миллионы поняли, что упрочить истинный мир можно только тогда, когда дело защиты нашей планеты от пожара войны станет личным делом каждого.

Мы вступаем в новый, 1972 год, с надеждой ожидая, что он станет годом мирной жизни. «Мир — дело каждого». Сегодня это не просто лозунг — это истина, которую не может игнорировать ни одно правительство. «Мир — дело каждого». Как бы вы расшифровали эти слова, какими примерами из вашей жизни, жизни ваших друзей, знакомых могли бы вы его прокомментировать!

С просьбой ответить на этот вопрос «Огонек» обратился к представителям разных стран.

В этом номере мы публикуем часть полученных ответов. Остальные вы прочитаете в следующих номерах нашего журнала за 1972 год.

Херлуф Бидструп... Рисунки этого мастера сатиры никогда не спутаешь. Уже собралась не одна книга его рисунков: Бидструп разоблачает. Бидструп подтрунивает. Бидструп улыбается. «Популярность моих рисунков в Советском Союзе я воспринимаю как доказательство того, что мы — люди — не так различны, как нам пытаются внушить политики «холодной войны»,— говорит художник.— Если и в Дании и в Советском Союзе одинаково смеются над одними и теми же человеческими слабостями, то можно не сомневаться, что мы сумеем помешать возникновению новой войны, не допустим того, чтобы улыбка и смех исчезли с нашей земли».

В канун Нового года из Дании пришел пакет. В нем были новые рисунки Херлуфа Бидструпа, сделанные для читателей «Огонька», и ответ на наш вопрос.

— В моей семье мы все, как и миллионы простых людей, надеемся, что общеевропейское совещание по вопросам безопасности будет созвано в самое ближайшее время. Наша семья, как и все те семьи, где нет владельцев акций военной промышленности, верит в то, что это совещание радикально изменит политический климат в Европе и приведет к широким мерам в области разоружения на благо трудящихся всех стран. Мы относим себя к числу активистов, участвующих в борьбе за мир на земле, и потому убеждены, что это совещание способно потушить тлеющие еще со времен второй мировой войны головешки военных пожарищ. Нет, не позволим мы реваншистским силам раздуть из этих углей новый пожар!

Этот снимок сделан во время антивоенной демонстрации в Вашингтоне. Бывший капрал 2-й бригады 9-й пехотной дивизии США Эдвард Дамато бросает на ступени Капитолия награды, полученные им во Вьетнаме. Эдвард Дамато — активист организации «Ветераны Вьетнама против войны». Вот его ответ на вопрос «Огонька».

— Мысль о личном участии в борьбе за мир пришла ко мне отнюдь не сразу. Честно говоря, воевать мне никогда не хотелось. Когда в 1966 году меня призвали в армию, я пытался избежать отправки во Вьетнам, ссылаясь лишь на свое не совсем здоровое сердце. Сегодня я понимаю, что пять лет назад выступал не столько против позорной войны США во Вьетнаме, сколько за то, чтобы не участвовать в этой войне лично.

К сожалению, мои уловки, как и следовало ожидать, успехом не увенчались, и вскоре, нацепив значок «специалиста четвертого класса» и лычки капрала, я оказался в дельте Меконга, за пять тысяч миль от дома.

Вот там-то и началось мое прозрение. Я, правда, был связистом и сам ни в боях, ни в карательных операциях не участвовал. Но увидеть, сами понимаете, довелось немало. И я не только убедился в том, что несет вьетнамскому народу американская оккупация и война, не только понял преступный характер агрессии, но и пришел к выводу: продолжение вооруженной интервенции США во Вьетнаме противоречит самым насущным интересам моей родины, американского народа.

Когда мне удалось наконец вернуться домой, я просто не смог найти общего языка со своими прежними знакомыми, которые бравировали тем, что они, мол, «не интересуются политикой». Я уже понимал, что должен хоть что-то сделать сам для того, чтобы содействовать прекращению войны.

Найти правильный путь в жизни мне помогли именно те люди, которые считают борьбу за мир своим личным, кровным делом, своим долгом перед народом. Както увидел по телевидению выступление популярной актрисы и активистки антивоенного движения Джейн Фонда — да вы ее, конечно, знаете! Джейн обратилась с призывом к бывшим американским военнослужащим принять участие в «марше мира» в штате Нью-Джерси. Этот призыв настолько соответствовал тому, что я тогда чувствовал, что я не колеблясь отправился в Нью-Джерси. А еще через несколько недель вместе со своим новым другом Биллом Стробинджером пришел в штаб-квартиру организации «Ветераны Вьетнама против войны». Здесь окончательно понял, что нельзя успешно бороться против войны во Вьетнаме и не бороться против порядков, которые ее породили. Понял, что бороться против агрессии США в Юго-Восточной Азии — это значит бороться и за лучшую жизнь американских трудящихся, за свою собственную судьбу. Потому-то я и убежден в том, что борьба за мир — это дело каждого.

Антивоенное движение в Соединенных Штатах — мощное массовое движение, которое, несомненно, одолеет силы милитаризма, нарастает с каждым днем благодаря инициативе и самоотверженности тысяч и тысяч убежденных сторонников мира. Таких, как Джейн Фонда, о которой я уже говорил, как Даниэл Эллсберг — тот самый, что не так давно передал для опубликования в печати секретные документы Пентагона о войне во Вьетнаме, как бывший военный летчик, а ныне один из руководителей нашей организации, Эл Хабборд... Да разве всех назовешь! И я уверен, что в новом, 1972 году ряды преданных борцов за мир пополнятся новыми патриотами — людьми, которые убеждены в том, что мир — это дело каждого.

Уж не знаю, все ли со мной согласятся, но скажу, что никто, наверное, не мечтает о разоружении так, как бывшие солдаты, на себе испытавшие, что такое война. Сколько американских парней бессмысленно погибли во вьетнамских джунглях, не дожив и до моего, 25-летнего возраста! И продолжают гибнуть! А сколько мирных жителей Вьетнама погибло от американских бомб и американского напалма! И продолжают погибать! И пока растут на земле военные арсеналы, будет расти и опасность войны, в том числе и всемирной войны, которую может развязать империализм. Поэтому я целиком и полностью поддерживаю идею проведения Всемирной конференции по разоружению.

Между прочим, эмблема организации «Ветераны Вьетнама против войны» — это перевернутая винтовка, воткнутая штыком в землю и накрытая солдатской каской. Это ли не символ разоружения? Более двадцати тысяч американцев носят сегодня на груди значки с такой эмблемой, и я уверен, что в новом году их будет значительно больше.

В уходящем году в почтовые отделения Польши пачками поступали письма и телеграммы с таким адресом: «ПНР, Гданьск, матери пятерых близнецов». И почтальоны ни разу не ошиблись адресом, доставив эту корреспонденцию Леокадии Рихерт.

По просьбе «Огонька» корреспондент «Комсомольской правды» Виталий Ганюшкин навестил гданьскую пятерку, которой исполнилось семь месяцев. Дети чувствуют себя хорошо. Пани Рихерт отвечает «Огоньку»:

— Политик из меня, как вы сами понимаете, не великий, но ведь то, о чем вы спрашиваете, каждого касается. Когда дело идет о войне или мире, тут все мы политики. Минувшая война вошла в мое детство, и, хотя я была совсем малышкой, я (да и разве я одна!) помню эти трудные годы. Мы тогда жили в деревне под Жешувом. В памяти остались бомбежки, стрельба... Наша семья потеряла многих родственников. А ведь у нас в Польше, пожалуй, нет такой семьи, которая бы не потеряла кого-нибудь в то страшное время.

А все-таки нужно, чтобы новое поколение, которое, к счастью, войны не застало, знало бы о ней, помнило: ведь им, молодежи, в будущем отстаивать этот мир.

И мне кажется, что каждый человек, не обязательно политик или государственный деятель, может многое сделать для мира на земле. Каждый должен работать так, чтобы родина сильнее стала. Ведь ее сила — это тоже гарантия мира.

Сама я по профессии шеф-повар. Дело что ни на есть мирное. Вот и старалась хорошенько накормить людей, чтобы им хорошо работалось. А мой муж долгое время строил корабли на верфи «Парижская коммуна» в Гдыне, а потом перешел на службу в армию.

Этот год принес в нашу семью счастье, крутой поворот в жизни — мы сразу оказались «многодетными родителями». Ведь у нас уже двое сыновей было до рождения близнецов. Конечно, натерпелись: ведь все это даже для врачей было неожиданностью. Теперь все позади — вон гляньте на наших малышей; все пятеро живы-здоровы, развиваются нормально. Разве это не счастье для родителей! И разве нам с ними управиться, если бы не помощь государства? От первого крика все пятеро на попечении медиков-специалистов. Со всех сторон к нашей семье внимание и забота.

Недавно у нас прошел VI съезд нашей партии. Мы, простые люди, видим, что он нам обещает лучшую жизнь. Все планы к тому ведут, чтобы нам было лучше и работать и жить.

По случаю «крестин» почетное опекунство над нашими малышами приняли известные люди страны; среди них: министр национальной обороны В. Ярузельский, Председатель Совета Министров П. Ярошевич, Председатель Президиума Гданьского народного совета Т. Бейм, командующий военно-воздушными силами Я. Рачковский.

Вот сейчас со всех сторон и из-за границы приходят к нам в дом поздравления. Незнакомые люди шлют самые лучшие пожелания близнецам, всей нашей семье.

На снимке: Леокадия и Бронислав Рихерт и великолепная пятерка.

Фото ЦАФ — ТАСС.

Новогоднюю анкету «Огонька» подготовили: собкор ТАСС в Нью-Йорке Эдуард Баскаков, собкор газеты «Социалистическая индустрия» в Скандинавии Виктор Родионов, собкор «Комсомольской правды» в Польской Народной Республике Виталий Ганюшкин.

Лера погладила меня ладонью по лицу — она часто гладила меня тогда ладонью по лицу — и сказала:

— Ты ведь бестолковый, Стас, а? Я тебя очень люблю. Ты всю жизнь будешь наивным злым воителем за добро. Ты всю жизнь будешь мальчишкой...

Я встал и подошел к окну. По стеклу шуршала мягкими черными лапами ночь. Оглушительно стрельнуло в печи полено. Лера от неожиданности вздрогнула и засмеялась. Провела рукой по волосам.

— Здесь зимой всегда такая тишина, что мне немного боязно. Хотя я знаю, что здесь никого нет. И мне кажется, что кто-то тихо разговаривает.

Она гибко потянулась, встала и подошла ко мне.

— Смотри,— взяла с подоконника альбом,— соседская девочка собирала летом гербарий и позабыла его здесь. Давай посмотрим?

К плотным страницам альбома были аккуратно приклеены листы, травинки, усохшие цветы. Непонятно почему, мне стало грустно от этого свидания с летом. Может быть, оно имело слишком засушенный вид. Я положил Лере на плечо руку:

— Пройдет несколько месяцев, и снова будет полно солнца, леса, яблок. Будет белый песок на пляже, лодки, сладкий дым над полем. Я бы хотел быть с тобой летом...

Лера пожала мне слегка руку и сказала:

— А разве сейчас плохо?

— Мне никогда еще не было так хорошо. А тогда будет еще лучше.

Я наклонился к ней. Ее глаза были рядом. В огромных тяжеленных ресницах. И губы. И снова ее волосы пахли подснежниками.

— Стас, любимый мой, не надо было нам встречаться, мы ведь никогда не будем счастливы...

— Почему? Я счастлив сейчас.

— Нет, это я счастлива сейчас. А ты уже мчишься в завтра, тебе нужно завтрашнее счастье, ты всегда мечтаешь жить в будущем времени. А я вся в сегодня. Мне ведь совсем мало надо.

Я твердо сказал:

— Мы обязательно будем счастливы. Я без тебя не могу — ни сегодня, ни завтра...

Как же я мог сказать ей, что без нее нет никакого завтра? Ведь и тогда я знал это наверняка, как совершенно точно знал, что мы будем счастливы.

Она провела ладонями по моему лицу:

— Ты веришь в себя?

— Я верю в себя, в тебя, в нас.

Лера покачала головой:

— Как же быть, если я не могу верить в себя, если я не люблю завтра, а у меня есть только сегодня?..

Она поцеловала меня...

Не помню, был ли это сон или причудливо сместившаяся явь, потому что все кружилось, плыло вокруг в красных сполохах пламени печки, и я крепко держал Леру, боясь открыть глаза, чтобы все не растаяло, не исчезло, не рассыпалось в прах.

Она гладила меня по лицу и говорила:

— Стас, а Стас! Сколько времени? Новый год уже наступил?

— Не знаю, ты же не велела брать сюда часы,— шептал я, не открывая глаз.

— Это хорошо, Стас. Я не хочу, чтобы двигалось время, я не люблю завтра. Я тебя сегодня люблю. Тебя в сегодня, тебя в сегодня,— повторяла она в полусне.

И я тонул в ней, радостно, как в светлом омуте, и весь мир, бесконечный, бездонный, замыкался в ней, и счастье становилось невыносимым, как боль, потому что я уже знал: завтра наступило, и никогда, никогда, сколько бы я ни прожил, я не смогу снова войти в этот безмерный омут.

— Стас, а Стас! Давай уедем отсюда...

— Когда? — спросил я в полузабытьи.

— Сейчас.

Я приподнял голову и увидел, что она плачет.

— Я не хочу, чтобы завтра приходило сюда,— сказала она.— Я хочу, чтобы все это навсегда осталось у меня в сегодня...

— Почему? — спросил я испуганно.

— Я хочу, чтобы через много лет, когда бы я тебя ни встретила, эта ночь была бы со мной. Чтобы она не стала вчера. Чтобы она оставалась сегодня...

На террасе я хотел взять лыжи, но Лера сказала:

— Не бери лыжи. Пусть они здесь остаются. Пойдем пешком.— Потом добавила: — Я хочу, чтобы ты только со мной ездил кататься на лыжах...

С юга дул ветер и гнал по звездному, искрящемуся небу рваные облака. Они шли так низко, что, казалось, шуршали в занозистых пиках елей. Стало теплей, и мы с Лерой по старой лыжне быстро дошли до станции, вбежали на платформу по скользким деревянным ступеням. Над кассой хрипло задребезжала тарелка громкоговорителя: «Поезд Загорск — Москва прибывает на второй путь». Вылетела из мглы электричка, проглотила нас, и через мгновение в окнах замельками сонные, мутные огоньки дремлющих в снегах домов.

В Москве, на вокзале, стояли гам и толчея, суетились на площади носильщики и таксисты. Над головой летели облака удивительного красного цвета, и было от них светло, и лица людей были похожи на камни в костре...

ГЛАВА 15

Я очень не люблю, когда меня будит будильник. По своему складу я человек ночной, медленно, трудно засыпаю, и самый крепкий сон приходит ко мне утром. Поэтому, когда в тишине раздается оглушительный звон будильника, я пугаюсь, будто меня хватили палкой по голове. Но, проснувшись за несколько минут до звонка, я испытываю злорадное чувство, как если бы мне удалось перехитрить его. С мстительным удовольствием нажимаю я кнопку стопора, запирая бодрствующий дух часов еще на сутки.

Я открыл глаза и сразу же торопливо нажал кнопку звонка, поднялся с дивана и стал лениво слоняться по комнате, залитой мягким утренним солнцем. Потом взял полотенце, халат и пошел в душ. Открыл горячую воду и, когда кожа привыкла, начал потихоньку выводить кран с надписью «Гор». Вода остывала медленно, наливалась холодом, потом ледяные струйки стали плотными, как резина. Десятки злых, острых лоз стегали, щипали кожу, били в глаза, и я вспомнил, как мы с Шараповым мокли под холодным ливнем в Останкине перед дверью старухи Ларионихи, где скрывался беглый бандит Крот. Меня контузило тогда выстрелом, но, помню, больше всего я переживал из-за порванного в свалке нового костюма. Смешно! Но факт — было это. Пять лет назад. И было мне тогда столько лет, сколько Сашке Савельеву сейчас. В ту ночь мы с ним и познакомились.

Ощущение нестерпимого холода прошло, и я почувствовал, как тело наливается силой и бодростью. Подумалось, что я еще молодой. Я еще совсем молодой, тридцать — это не так уж и много! Нет, немного!

Поставив на плиту кофейник, я снова завалился на диван и, лежа, стал тереть щеки электробритвой. Было всего начало восьмого, и впереди был огромный день, полный всяких хороших и интересных событий, и все почему-то казалось мне прекрасным.

Надел свежую сорочку, аккуратно завязал галстук и чинно уселся пить кофе. От упорядоченности этого утра я казался себе человеком ну просто замечательным. В буфете нашел довольно съедобную булочку и плавленый сырок, так что и завтрак получился прекрасный. Я отпил два глотка, встал и вынул из внутреннего кармана пиджака бумажную ленту. В кармане она, конечно, помялась несколько, но прежние старые сгибы были отчетливо видны. Прихлебывая горячий кофе, я вновь свернул ленту по сгибам — крест-накрест и еще раз крест-накрест, получилась обертка-бандероль, какими опечатывают в банках пачки денег. Лента была мне интересна и непонятна.

Откуда у старика могли появиться доллары? Отцу Николаю он сказал, что какие-то люди, еще хуже его самого, испугавшись смерти, выделили ему часть своих денег. Фаусто Кастелли разыскивал Сытникова и приходил к нему домой. Конечно, соблазнительно связать доллары с появлением Кастелли, но итальянец приходил, когда Сытников уже был мертв, а разговор о долларах возник за несколько недель до этого. Но в чемодане у Кастелли лежал крест сподвижника, начальника и друга Сытникова — генерала фон-Дитца. Никаким случайным стечением обстоятельств это объяснено быть не может. Значит, они виделись раньше. Когда? Отдел виз и регистрации сообщил, что Кастелли в Советский Союз приезжал впервые. Сытников с момента ареста осенью 1945 года находился сначала в заключении, а затем безвыездно в Зареченске. Непонятно. Очень меня смущала обертка-бандероль. Такой лентой перевязывают деньги в банках. Если ею перевязывались советские деньги — рубли, например, они вполне по размеру подходят,— тогда по-прежнему все неясно. А если в ней были доллары? В банковской-то обертке?.. Тем более что на ней написано фиолетовыми чернилами: «500 по одн. Снято 100. К выд.— 400»,— а долларов у старика нашли именно четыреста...

Я встал из-за стола и похвалил себя за правильно прожитое утро. Потом выглянул в окно — тепло на улице совсем было, перекинул через руку плащ и отправился на Петровку.

Савельева в кабинете не было. Я достал свои вчерашние записки, разложил их на столе, внимательно перечитал, достал из сейфа оперативное дело и подшил в него листки. Хлопнул папкой по столу и положил ее в сейф, запер тяжелую стальную дверцу и отправился на четвертый этаж — в первый отдел.

В кабинете у инспектора Красулина сидели наши ребята. Здесь же, верхом на стуле, устроился Сашка. На лице его было томление — он наверняка хотел что-то рассказать, но все слушали в этот момент Красулина.

...— Мы уже плюнули на все это дело и собрались уходить. Такая меня досада разбирает — ведь знаю же точно, что должна быть здесь валюта, а найти не можем, хоть убейся. И кот проклятый за окном орет все время — на нервы действует. Я говорю Сухорукову: выйди на балкон, глянь, чего он там надрывается. А сам думаю: придется уходить не солоно хлебавши. Тут меня Сухоруков зовет. Вышел я на балкон, а Михаил говорит: ты посмотри на нижний балкон, он почему так прыгает? Перегнулся я вниз, вижу: котище с наглой такой мордой прыгает и орет. А чего прыгает — непонятно, ничего привлекательного на нашем балконе нет для него. Мишка говорит: погоди, я вниз спущусь, гляну. Тут наш деятель подпольных финансов сник и говорит: не надо спускаться, я сам. Берет удочку с крючком на конце, перегибается через перила и выуживает подвешенный на леске пакет. Ветер, говорит, подвел меня, стал он трепать пакет у кота под носом... вот котище проклятый и сбесился...

Ребята засмеялись, а Сашка сказал:

— Такая же штука у нас в прошлом году произошла с Тихоновым...

— Погоди, погоди,— остановил я его.— В следующий раз обменяешься производственным опытом. У меня времени в обрез...

— Вчера я в газете прочитал, что есть наука деонтология — о правилах поведения врачей между собой и с больными,— сказал обиженно Сашка.— Хорошо бы расширить ее границы еще на некоторые специальности.

— Брось, Сашка, не до шуток!

Красулин спросил:

— Ты чего, Стас?

— У тебя сейчас наличные доллары есть?

Сашка подскочил от счастья:

— Разменяйте Тихонову сорок миллионов!..

— Нет, мне нужен как раз один доллар. Единой бумажкой.

— Есть. — Красулин встал и отпер сейф. — Хорошему человеку не жалко. Надеюсь, с возвратом? Госбанк еще на них виды имеет.

— С возвратом. Даже без выноса из твоей комнаты.

Красулин протянул мне пачку валюты, среди купюр — несколько однодолларовых ассигнаций. Я вновь сложил по сгибам свою обертку-бандероль. Стасовал в пачечку доллары и осторожно вложил ее в крестовидное гнездо обертки. Купюры легли точно под сгибы...

— Эврика! По-моему, именно эту свеженькую шутку произнес Архимед в аналогичной ситуации? — спросил я у ребят, с интересом следивших за моими манипуляциями.

— Он сказал: «О жалкий жребий мой»,— завистливо пробурчал Сашка.— Тысячу рублей я бы взял и без упаковки.

— Не надо зариться на чужие,— мстительно сказал я.— Свои надо зарабатывать.

Я вернул Красулину доллары:

— Возвращаю ссуду без процентов, я сегодня всю мелочь дома оставил. Пошли, Савельев, загружу тебя работой. Ты же ведь говоришь, что аппарат надо держать в напряжении.

В глазах у Красулина замерло любопытство:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 46—51.

валюта — его специализация, но задавать вопросы у нас не принято. Если можешь или хочешь — расскажешь сам. В дверях я задержался.

— Слушай, Красулин, какие банки у нас производят внутренние платежи в иностранной валюте?

— В основном Внешторгбанк СССР. А что?

Я подмигнул:

— Если все получится, приду и расскажу. Пошли, Сашок...

Мы шли по Страстному бульвару во Внешторгбанк, и я объяснял Савельеву сложившуюся ситуацию:

— Здесь возможны три варианта: деньги официально получил Сытников, и это дает нам очень много, но вариант почти невероятен. Второе: кассир опознает свою обертку-бандероль и вспомнит, кому он ее выдавал. Этот вариант вероятнее, хотя информация наша будет беднее. Третье: в банке не смогут ничего вспомнить об этой операции, и, к сожалению, данный вариант ближе всего. Но отработать этот канал мы обязаны....

— А что еще осталось от Сытникова? — спросил Сашка.

— Какая-то бриллиантовая брошка. Да и она уже ушла в госфонды. Иди ищи ее теперь.

Сашка подобрал с земли тополиную ветку, потер смолистые, клейкие почки между пальцами и, глядя на желтые душистые капли, сказал:

— Как выглядела брошка? Ее видел кто-нибудь у старика? Описание ее в протоколе осмотра имеется?

— Не знаю. В протоколе написано: брошь бриллиантовая, женская. И все.

— Неправильно это,— серьезно сказал Сашка.— Я бы, например, охотно посмотрел на нее.

— Теперь уж поздно говорить об этом.

— Трудно сказать...— неопределенно пробормотал Сашка.

Четыреста долларов однодолларовыми купюрами получил во Внешторгбанке 28 февраля сего года Аристарх Сытников. Это было довольно невероятно, но факт: контролер-оператор показала нам журнал. «Получил — Сытников, 1894 г. р., паспорт серия, номер, проживает — Зареченск, ул. Прибрежная, д. 7, кв. 12. Деньги переведены на основании платежного поручения из Инюрколлегии, приходный ордер...» — в общем, все честь по чести. Вот это да! Мы этого никак не ожидали.

— Что будем делать, Стас?— спросил, очарованно глядя в журнал, Сашка.

— Я думаю — в Инюрколлегию? А?

— Стас, у меня есть маленькая идейка. Что, если я сегодня займусь ее реализацией, а ты — в Инюрколлегию? Нам ведь там вдвоем все равно делать нечего...

— Принято. Привет.

— Большой привет.

В Инюрколлегии я договорился, что там снимут для передачи нам копии со всего наследственного дела Аристарха Сытникова — каждый документ был настолько интересен, что подлежал приобщению к делу. Поэтому Шарапову я все объяснил на словах, изредка заглядывая в записную книжку, где отметил наиболее удивившие меня моменты.

— Наследство было завещано Сытникову баронессой Анной-Лизой Густавой фон-Дитц, вдовой генерала фон-Дитца, урожденной Шмальбах, гражданкой Соединенных Штатов Америки, бывшей подданной Российской империи. Баронесса скончалась в ноябре прошлого года в городе Теннесси-Порт, штат Индиана, графство Окридж...

Фирма Уитуотерсгалл Бразерс
Соединенные Штаты
Индиана
графство Окридж, Теннесси-Порт.

Дело: трестфонд баронессы фон-Дитц.

Уважаемые господа, благодарим за Ваше письмо от 20 сентября с/г, содержание которого принимаем к сведению.

Сообщаем, что смерть баронессы Анны-Лизы Густавы фон-Дитц, урожденной Шмальбах, вдовы генерала барона фон-Дитца, гражданки Соединенных Штатов, бывшей подданной Российской империи, согласно решению окружного суда считается имевшей место.

Тем же решением единственным бенефициарием семьи фон-Дитц объявлен двоюродный брат покойной полковник Шмальбах.

Неоспариваемым завещанием баронессы фон-Дитц бывшему адъютанту ее покойного супруга Аристарху Евграфовичу Сытникову выделено наследство в сумме 400 (четыреста) долларов США.

...Мы считаем, что клиент Аристарх Евграфович Сытников, проживающий в СССР, в городе Зареченске, имеет разумные виды выиграть в своей претензии, поскольку его личность исчерпывающе идентифицирована представленными документами...

ДОВЕРЕННОСТЬ.

Да будет настоящим всем, кого это касается, известно, что я, нижеподписавшийся, Сытников Аристарх Евграфович, принимаю завещанное мне баронессой фон-Дитц не обремененное долгами наследство, назначаю и уполномочиваю адвокатов фирмы Уитуотерсгалл Бразерс, имеющих контору в городе Теннесси-Порт, штат Индиана, США, порознь и совместно быть моими полномочными и законными поверенными.

А. Е. Сытников.

ПЛАТЕЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Чейз Манхэттен банк переводит согласно поручению фирмы Уитуотерсгалл Бразерс в Инюрколлегию, СССР, для вручения Сытникову Аристарху Евграфовичу 400 (четыреста) долларов США.

Я уже собрался уходить домой, когда позвонил Савельев.

— Стас, моя идейка провалилась вроде.— Голос у него был усталый.

— Какая идейка? — удивился я, успев за этот долгий день позабыть о нашем утреннем разговоре.

— Да насчет броши. Я ведь целый день провел в отделе хранения ценностей. Ух, зажиточная организация! — с воскресшим энтузиазмом сказал Сашка.

— Ничего не перепало? — полюбопытствовал я.

— Кое-что. Недоразумение у тебя получилось,— невинно сказал он.

— Какое еще недоразумение?

— Тут разночтения возникли. У тебя в описи — брошь женская бриллиантовая, а здесь опись поквалифицированнее, так они ее называли по-другому... — Сашка помолчал, и я ощутил, как острое предчувствие кольнуло сердце.

— Ну?

— «Брошь, украшение декоративное из бриллиантов, на основе белого металла (платина), в форме восьмиконечной звезды».

— Звезду видел?..

— Я же говорю: провалилась идея. Звезду направили две недели назад для реализации в московский комиссионный магазин номер пятьдесят три...

— А в комиссионке был?

— Опоздал,— тяжело вздохнул Сашка.

— Продали? — крикнул я.

— Нет, поздно уже было в комиссионку ехать: закрылся магазин.

— Уф!— облегченно вздохнул я.—С тобой говорить, что суп дырявой ложкой хлебать.

— А какая разница — за две-то недели, наверное, продали звезду,— сказал уныло Савельев.

— Саня, она же ведь дорогая,— с надеждой сказал я.— Может, граждане и не бросились на нее сразу, это же не холодильник, не первой необходимости все-таки вещь, может, повременят, а, Саня?

— Может, и повременят. Я, знаешь ли, не каждый день себе бриллиантовые броши покупаю. Так что сведения на этот счет у меня самые общие...

— Ну, ладно, значит, к открытию магазина — мы уже там. Есть?

— Есть. Большой привет.

Я положил трубку. Звезда восьмиугольной формы. Я отчетливо представил цветные репродукции, которые мне показывал орденовед в музее. Крест с перевязью и звезда, звезда восьмиугольной формы!

Конец первой книги.

МОСКОВСКИЕ СТРАНИЦЫ «УКРАИНЫ»

Весь этот номер популярного украинского еженедельника «Украина» посвящен Москве. Небольшая, но емкая статья председателя исполкома Моссовета В. Ф. Промыслова — рассказ о нашей столице, о Генеральном плане развития Москвы... Россыпь заметок «Московской мозаики», стихи московских поэтов, репортаж из Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; рассказ Владимира Лидина; страницы о Кремле; большой репортаж о рабочих Первого подшипникового завода — все это наша Москва. Юмор на страницы «Украины» прислал один из популярнейших «толстых» журналов — «Москва»...

Редакция «Украины» познакомила своих читателей с жизнью ряда стран социалистического содружества. Вышли номера, рассказывающие о ГДР, Польше, Венгрии, Болгарии. А недавно поступивший к подписчикам номер журнала — увлекательное путешествие по Монгольской Народной Республике.

Открывается номер статьей первого секретаря ЦК МНРП, Председателя Совета Министров МНР товарища Ю. Цеденбала, она написана специально для журнала «Украина». В репортажах и очерках, в выразительных фотографиях повествуется о преобразованиях на земле Монгольской Народной Республики, о дружбе с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

К. КОСТИН

Добро пожаловать.

Рисунок В. Черникова.

— Когда же наконец будет зеленый!..

— Клянусь тебе, дорогая, больше и капли в рот не возьму...

Рисунки Ю. Черепанова.

Без слов.

Рисунок М. Вайсборда.

— А где Полкан!
— Новый год встречает!

Рисунки И. Сычева.

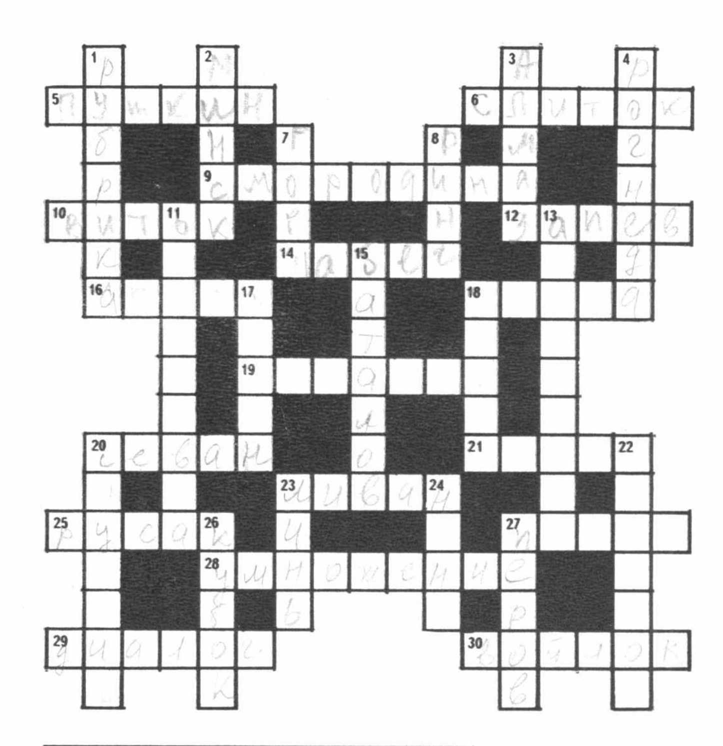
— Уверяю вас, ребята, что я совсем не Дед Мороз...

— Тебя, Снегурочка, в этом году не узнаешь...

— Мамочка! Это все автолюбители!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Великий русский поэт. 6. Застывший кусок металла. 9. Ягода. 10. Оборот спирали. 12. Начало хоровой песни. 14. Рассказ Л. Н. Толстого. 16. Курорт на берегу Черного моря. 18. Трагедия Ж. Расина. 19. Столярный инструмент. 20. Озеро в Армении. 21. Упрощенный чертеж. 23. Государство в Юго-Западной Азии. 25. Вид зайца. 27. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 28. Арифметическое действие. 29. Разговор. 30. Грубая свалянная шерсть.

По вертикали: 1. Заголовок раздела. 2. Столица союзной республики. 3. Минерал, драгоценный камень. 4. Опера А. Н. Серова. 7. Часть шахтной печи. 8. Площадка для бокса. 11. Река в Южной Африке. 13. Созвездие северного полушария неба. 15. Актер, снимавшийся в фильме «Путевка в жизнь». 17. Молочный продукт. 18. Тропическое растение. 20. Первый чемпион мира по шахматам. 22. Азербайджанский писатель-демократ. 23. Пресноводная рыба. 24. Музыкальный интервал. 26. Спортивный приз. 27. Русский живописец-передвижник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. Трактор. 6. Готланд. 9. Детонатор. 10. Канарейка. 12. Атлас. 13. Сеченов. 15. Платина. 16. Существительное. 19. Капуста. 21. Собинов. 23. Труба. 25. Санаторий. 26. Карабанов. 27. Гардина. 28. Гливице.

По вертикали: 1. Наманган. 2. Волхова. 3. «Донбасс». 4. Балерина. 7. Джемпер. 8. Пекарня. 11. Гладиолус. 14. Веста. 15. Палас. 17. Балласт. 18. Боржоми. 20. Сентябрь. 22. Барбарис. 23. Трибуна. 24. Алаколь.

На первой странице обложки: Зимним вечером. Колхоз «Путь Ленина», Кировской области (см. в номере репортаж «Зима, день короткий...»).

Фото Л. Бородулина и З. Голубчина.

На последней странице обложки: Первая сказка Дениски.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/XII-71 г. А 00669. Подп. к печ. 21/XII-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2431. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2245.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Приготовим-ка игрушки.

ЗЕЛЕНАЯ, ПУШИСТАЯ...

Елкин праздник — особенный. Он самый длинный — месяца полтора. Сперва мы к нему готовимся, и это уже праздник, потому что интересно. Мастерим самодельные игрушки, разбираем прошлогодние, привязываем к ним ниточки, чтоб на елке держались. Костюмы себе делаем всякие — кто зайкин, кто лисичкин — кому какой нравится. И родителям готовим подарки — рисуем картинки, салфеточки вышиваем, коробочки раскрашиваем... Их мы подарим на самый Новый год. Только с Новым годом праздник не кончится — елка и потом в садике будет стоять, и Дед Мороз еще недели две у нас погостит. Мы-то знаем, что Деда Мороза, как и елку, наряжают и в нем главное — костюм, потому что в него можно кого угодно одеть — и Вовку, и Наташу, и Шурочку,— и все равно будет Дед Мороз, так уж считается. И мы по очереди все побываем и Дедом Морозом и Снегурочкой. А сколько новых стишков, песенок и танцев мы к этому празднику выучим! Ведь каждый свое выступление приготовить должен, да еще и общий хоровод...

И еще самое интересное, это когда привозят нам из лесу елку — зеленую, пушистую и такую пахучую, что когда ее в комнату внесут, так там сразу как в лесу делается.

Елкин праздник, наверное, нарочно зимой придумали устраивать, когда все дни такие короткие, что не успеешь пообедать, как уж темно. А тут раз — и зажглись лампочки на елке, и гореть они могут долго-долго, до самого вечера, пока не придут папы и мамы и не разберут нас по домам.

А дома тоже елка, вот и выходит, что елкин праздник самый длинный!

Предновогоднее фотоинтервью у ребятишек московского детсада № 624 взяли корреспонденты «Огонька» А. Бочинин и Ю. Кривоносов.

Репетируем хоровод.

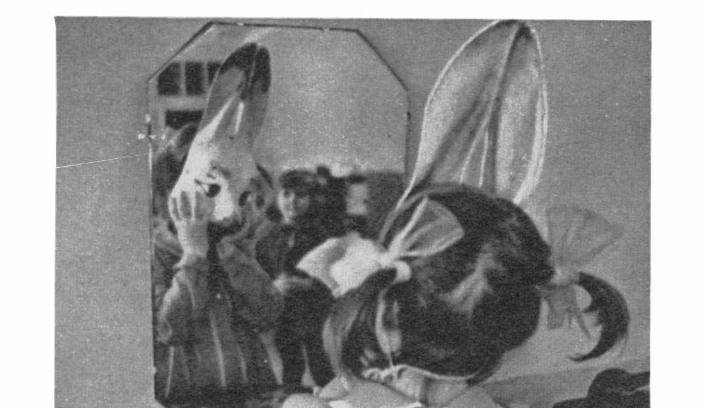

Сказка о серебряной елочке.

Осталось пришить хвост, и костюм готов!

Я буду братцем-кроликом.

Подарок родителям.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.